

Стивен Кинг

ПАРЕНЬ ИЗ КОЛОРАДО

1

Решив, что ничего интересного от этих двух стариков (весь штат «Уикли Айлендер») не добиться, журналист «Бостон Глоуб» посмотрел на часы, отметил, что еще может успеть на паром, поблагодарил пожилых джентльменов за потраченное время, положил пару купюр на скатерть, прижал сверху солонкой, чтобы сильный порыв ветра не разбросал их по комнате, спустился вниз по каменным ступеням во внутренний дворик «Серой Чайки» и направился в сторону Бэй Стрит – и дальше, в городок, лежащий чуть ниже. Девушки, сидящей между стариками, он почти не заметил – если, конечно, не считать пары быстрых взглядов, которыми он прошелся по ее груди.

Как только журналист ушел, Винс Тиг вытащил банкноты – два полтинника – из-под солонки и спрятал их в карман потертого, но прочного твидового пиджака. Во взгляде его безошибочно читалось удовлетворение.

– Что вы делаете? – удивленно спросила Стефани МакКанн, понимая, как Винсу нравится эти интонации в ее голосе (по правде говоря, они нравились обоим старикам), но не в силах сдержаться.

– А на что это похоже? – Винс буквально светился самодовольством. Он прижал клапан кармана к бедру и взял из своей тарелки последний кусок рулета из мяса лобстеров. Затем он промокнул губы бумажной салфеткой и ловко схватил пластиковую корзинку, оставленную журналистом – точно в тот момент, когда очередной порыв пропахшего солью ветра попытался сбросить ее вниз. Рука Винса была гротескно скручена артритом, но силы и скорости ей было по-прежнему не занимать.

– Похоже, вы собираетесь забрать себе деньги, которыми мистер Генретти расплатился за наш ланч, – ответила Стефани.

– О, верно подмечено, Стеф, – согласился Винс и подмигнул старику, сидящему рядом. Его звали Дэйв Боуи, он выглядел ровесником Тига, но на самом деле был на двадцать пять лет моложе. Все зависит от того, какой лотерейный билет ты вытянешь, утверждал Винс; даже те парни, которые дотягивают до векового возраста – а Винс

надеялся оказаться со временем в их числе – не более, чем простые везунчики.

– Но зачем?

– Неужели ты думаешь, что я пытаюсь обмануть заведение и подставить Хелен?

– Нет, конечно... А кто такая Хелен?

– Хелен Хэфнер, наша официантка, – Винс жестом указал на полную сорокалетнюю женщину, что возилась с посудой у столика по соседству. – Так заведено у Джека Муди – который, так уж случилось, владеет этим чудным местечком. И у его отца до этого, если тебе интересно...

– Мне интересно, – вставила Стефани.

Дэвид Боуи, который работал управляющим редактором «Уикли Айлендера» почти столько же лет, сколько было Хелен Хефнер, наклонился вперед и положил свою пухлую ладонь поверх руки Стефани.

– Да, я знаю, – сказал он. – Тебе интересно, Винсу тоже, иначе он не стал бы объяснять свой поступок столь витиевато.

– Это как в школе, – улыбнулась она.

– Точно. Что просто обожают старые пни вроде нас?

– Поучать. Давать знания тем, кто в них нуждается.

– Точно, – повторил Дейв и откинулся назад. – Это просто здорово.

На нем был старый зеленый свитер. Стоял август, и Стефани казалось, что в «Чайке» сравнительно тепло, но она подозревала, что ее собеседники слегка мерзнут. В случае с Дейвом это удивило ее – в конце концов, ему было всего шестьдесят пять. Худому как щепка Винсу Тигу на первый взгляд было не больше семидесяти, но в начале лета ему исполнилось девяносто. «Хитрющая жердь», как называла его миссис Пиндер, секретарь «Айлендера» – обычно сопровождая это определение пренебрежительным фырканьем.

– Политика «Серой Чайки» такова, что официантки несут за обслуживаемые ими столы ответственность, равную сумме счета – до тех пор, пока этот счет не оплачен. Джек говорит об этом всем леди, которые устраиваются к нему на работу, чтобы избежать неприятностей в дальнейшем.

Стефани обвела взглядом внутренний дворик – он был заполнен наполовину, несмотря на то, что было уже двадцать минут второго – десять минут до парома; в главном зале, откуда открывался прекрасный вид на

Лосиную бухту, свободных мест почти не было. Начиная со Дня Поминовения¹ и до конца июля каждый день «Серая Чайка» почти до трех часов пополудни забита до отказа. Контролируемый дурдом, другими словами. И как, скажите на милость, официантка должна следить за посетителями, если она не успевает носиться между столами, заботясь лишь о том, чтобы не уронить на пол свой поднос с лобстерами и моллюсками...

– А ведь в таких условиях непросто быть... – она запнулась, подумав, что эти двое, выпускавшие свою газетенку еще до того, как появилось понятие минимальной заработной платы, засмеют ее, если она закончит фразу.

– Честным? Ты это хотела сказать? – сухо закончил за нее Дейв, выживая из корзины последний рулет.

«Ченна». Этот акцент... Стефани была родом из Цинциннати, штат Огайо, и когда она впервые приехала на Лосиный остров на практику в «Уикли Айлендер», то испытала приступ отчаяния. «Отчаяние» похоже на «ачё?» – еще одно из местных словечек. Как она могла научиться здесь чему-нибудь, если понимала едва ли одно слово из семи? И если она будет постоянно переспрашивать, как долго они вытерпят, прежде чем в глаза назовут идиоткой («дъёткой» на местном диалекте, конечно же)?

Она уже почти что бросила всю эту затею с послевузовской практикой, когда Дейв взял ее за руку, отвел в сторону и сказал: «Не сдавайся, Стеф, со временем это придет к тебе». И оно пришло. Почти внезапно местная речь стала понятной, как если бы какой-то неведомый пузырь лопнул в ее ушах. Могла ли она прожить тут остаток жизни, понимая этих людей, но так и не научившись коверкать слова? Вполне возможно, ченна.

– Честным – как раз то слово, – согласилась она.

– Которое напрочь отсутствует в лексиконе Джека Муди, – заметил Винс и тут же, не меняя тона, добавил: – Положи этот кусочек на место, Дэвид Боуи, с возрастом ты все больше походишь на поросенка.

– Мы вроде как не женаты, – ответил Дэйв и отправил в рот еще одну порцию рулета. – Ты можешь продолжать, не отвлекаясь на свое брызжание?

¹ День Поминовения – день памяти погибших в войнах, отмечается 30 мая.

- Каков наглец, - парировал Винс. - К тому же, никто, похоже, не говорил ему о том, что разговаривать с набитым ртом невежливо.
- Он положил руку на спинку стула, и океанский бриз откинул его красивые седые волосы назад.
- Стеффи, у Хелен трое детей - от шести до двенадцати - и муж, который сбежал. Ко всему прочему, ей не хочется покидать остров, поэтому единственная ее возможность держаться на плаву - это «Серая Чайка». Ты следишь за моей мыслью?
- Да, конечно, - сказала Стефани, и тут же, как из-под земли, перед ними выросла женщина, о которой шел разговор. Стефани заметила, что она носит тяжелые поддерживающие чулки - которые, однако, не могли полностью скрыть сеточки варикозных вен. Под глазами Хелен бледнели круги.
- Винс, Дэйв, - сказала она и просто кивнула Стефани, имени которой не знала. - Видела, как ушел ваш приятель. На переправу?
- Ага, - ответил Дейв. - Решил, что будет лучше вернуться в Бостон.
- Так вы закончили?
- Оставь нас еще на минутку, - сказал Винс. - Если хочешь, можешь принести чек. Как дети?
- Хелен скривилась.
- На прошлой неделе Джад выпал из домика на дереве и сломал руку. Как он вопил! Я до смерти испугалась. Старички переглянулись... и рассмеялись. А успокоившись, торопливо прятали свои пристыженные физиономии. Винс извинился.
- Пусть мальчишки смеются, - сказала Хелен Стефани с легкой улыбкой. - Все они когда-нибудь падают с деревьев и ломают руки, воображая себя пиратами. Память отлично сохраняет такие моменты... Чего она не сохраняет, так это воспоминаний о маме, которая будит их посреди ночи с таблетками аспирина. Я принесу вам ваш чек, - она вздохнула и пошла прочь, шурша старыми кроссовками со стертymi подошвами.
- У нее добрая душа, - Дейву хватало совести сохранять стыдливое выражение лица.
- Да, - согласился Винс, - И если мы слышим от нее крепкое словцо, то обычно вполне заслуженно. И что касается ланча. Я не знаю, сколько в Бостоне стоит обед из трех рулетов, одного лобстера на пару и четырех

чашек холодного чая, но этот писака, должно быть, забыл, что мы находимся в «регионе снабжения», как выразились бы экономисты, и бросил на стол сотню. А если Хелен принесет чек больше чем на пятьдесят пять долларов, то обязуюсь точас же прилюдно расцеловать свинью. Я понятно выражаюсь?

- Да.

- А наш приятель, если ему достает меркантильности, напишет в отчете цифру «сто двадцать» и прогуляется с подружкой в кино.

- Точно, - Стефани допила свой чай и укоризненно посмотрела на Винса. - Думаю, вы слишком циничны.

- Нет, разумеется, если бы я был циничным, я бы сказал «сто тридцать», - в этом месте Дейв улыбнулся. - В любом случае он оставил сотню, что на тридцать баксов больше необходимого - даже с учетом двадцати процентов чаевых. Поэтому - да, я взял его деньги. Но когда Хелен принесет чек, я расплачусь по нему, потому что «Айлендер» всегда платит по счету.

- Надеюсь, чаевые для Хелен будут выше двадцати процентов, - сказала Стефани. - Учитывая ее домашние проблемы.

- Тут ты ошибаешься, - ответил Винс.

- Да? Почему?

- А ты как думаешь? Потому что я старый скряга?

- Нет, навряд ли. Думать так - все равно, что считать всех французов помешанными на сексе, а всех негров - беззаботными лентяями.

- Так пораскинь мозгами. Господь одарил тебя этим веществом весьма щедро.

Стефани рискнула.

- Она сочтет это подачкой?

Винс и Дейв обменялись улыбками.

- Что? - спросила Стефани.

- Еще один ленивый негр и сексуально озабоченный француз, да, дорогуша? - она была уверена, что Дейв нарочно дразнит ее своим выговором. - Только теперь в виде честной рабочей женщины, отказывающейся от подачки. Чувствуя, что она лишь глубже вязнет в болоте социологических стереотипов, Стефани уточнила:

- То есть вы считаете, она возьмет деньги? Для детей, если не для себя?

- Человек, который заплатил за ланч, был приезжим, - сказал Винс. - Он приехал издалека.

Удивленная этим внезапным приступом деликатности, Стефани еще раз обвела взглядом дворик и внутренний зал, скрытый стеклом. Большинство из тех посетителей, что сидели снаружи – почти что каждый – были местными, как и обслуживающие их официантки. Внутри, напротив, были сплошь приезжие, «неостровные». Официантки, работавшие там, были гораздо моложе. Симпатичнее. Тоже нездешние, временные работники, принятые на лето. И внезапно она все поняла. Как же она ошибалась со всеми своими социологическими выкладками! Все было гораздо проще.

– Они делят чаевые, верно? В этом все дело?

– Бинго, – Винс наставил на нее палец.

– И что вы сделаете?

– Заплачу по счету, плюс пятнадцать процентов чаевых, плюс сорок долларов в карман Хелен. Вся сумма достанется ей. Бумага стерпит, а дяде Сэму знать не обязательно.

– Вот так в Америке делают бизнес, – улыбнулся Дейв.

– Знаешь, что мне нравится? – Винс Тиг подставил лицо солнцу. Когда он прищурил глаза, паутина из морщинок разрезала его кожу. Она не выдавала его возраст – даже с морщинками он все равно выглядел на восемьдесят.

– Нет, что?

– Мне нравится наблюдать, как обращаются деньги.словно одежда в стиральной машине. В этот раз, когда машина сделала последний оборот, они остались здесь, на Лосином, где очень много в них нуждающихся. И – как финальный штрих – этот парень, выходящий из «Серой Чайки».

– Вообще-то он выбежал, – вставил Дейв. – Чтобы успеть на паром, знаете ли. Напоминает мне стихотворение Эдны Винсент Миллэй: «Мы были усталы, нам было смешно, катались туда и сюда на пароме». Не дословно, но очень близко.

– Ну, он не выглядел слишком веселым. Но к тому времени, как он доберется, устанет точно. Он вроде бы упомянул Мадаваску? Возможно, необъяснимые загадки он встретит там. Почему, например, кому-то приходит в голову там жить. Помогите мне, Дейв.

Стефани чувствовала, что между этими людьми существует нечто вроде телепатии. С тех пор, как приехала на Лосиный остров три месяца назад, она была свидетельницей нескольких случаев, подтверждающих эту теорию, – и вот вам еще одно доказательство. Официантка

шла к ним со счетом в руках. Дейв не мог видеть ее, так как сидел к Хелен спиной, но, тем не менее, совершенно точно знал, чего хочет Винс. Он вытащил бумажник из его кармана, достал из него пару банкнот и положил на стол. Хелен подошла секунду спустя. Винс взял у нее счет, а другой рукой незаметно положил купюры со стола в карман передника.

- Спасибо, дорогая, - шепнул Винс.

- Ты уверен, что не хочешь десерта? - спросила она. - Шоколадный торт с вишневой начинкой. Его нет в меню, но я найду кусочек.

- Я пас. Стеффи?

Стефани покачала головой. Немного подумав, отказался и Дейв.

Хелен одарила Винса суровым взглядом.

- Тебе не мешает нагулять вес, Винс.

- Джек Спрэт с женой², вот кто мы с Дейвом, - улыбнулся Винс.

- О, боже, - Хелен подмигнула Стефани. - Парочка та еще.

- Все в порядке, - ответила она.

- Ну да, а после вы все отправитесь прямоком в «Нью-Йорк Таймс», - сказала Хелен, собрала посуду со стола и ушла.

- Когда она найдет деньги, догадается, кто их туда положил? - спросила Стефани. Она вновь глазела на посетителей - дюжины две, пьют кофе, пиво, холодный чай, поедают не значащийся в меню торт... Не каждый из них выглядел так, будто способен дать сорок долларов чаевых, но некоторые, судя по внешнему виду, вполне могли.

- Возможно, - ответил Винс. - Но скажи мне вот что, Стеф.

- Да?

- Если она останется в неведении... Это будет считаться незаконной сделкой?

- Не понимаю, куда вы...

- Мне кажется, понимаешь. Может, вернемся к газете? Новости не будут ждать.

2

² Джек Спрэт и его жена – персонажи одного из стихотворений цикла «Песенки матушки Гусыни»: Jack Sprat could eat no fat, his wife could eat no lean (Джек Спрэт терпеть не мог жирной пищи, его жена никогда не брала в рот ничего постного).

Что Стефани нравилось в редакции «Уикли Айлендер» больше всего – даже после трех месяцев, проведенных преимущественно за составлением рекламных объявлений – так это потрясающий вид на побережье штата Мэн, который открывался ее взору, стоило только сделать полдюжины шагов от рабочего стола и выйти на тенистую террасу, окружавшую амбароподобное здание редакции. Да, в воздухе витал запах рыбы и водорослей – но этим ароматом был пропитан каждый уголок Лосинового острова. Стефани обнаружила, что если привыкнуть к нему, происходит удивительная вещь – со временем он становится привлекательным. В него влюбляешься.

В ясный полдень (такой, как этот в конце августа), на той стороне пролива можно хорошо разглядеть дома, доки и рыбацкие лодки; Стефани легко читала название старого дизельного насоса, напечатанное на ярлыке. Она видела мальчишку в шортах и футболке клуба «Пэтриотс», удящего рыбу, и тысячи солнечных бликов, играющих на сотнях городских крыш. Между поселком Тиннок Виллидж (на самом деле – городком приличных размеров) и Лосиным островом солнце освещало самую голубую водную гладь из всех, что доводилось видеть Стефани – в такие дни она поражалась своему недавнему желанию вернуться назад, и сомневалась в том, что вообще когда-нибудь отсюда уедет. А когда на материк опускался туман и остров окутывали унылые вопли сирен, звучащие, как крики безумного древнего чудовища... что ж, она думала точно так же.

«Тебе нужно быть осторожней, – сказал как-то Дейв, когда она заканчивала художественную колонку, дописывая в желтый блокнот, лежащий у нее на коленях, последние фразы. – Жизнь на острове – опасная штука, она вползает тебе под кожу, как малярия. Такое почти не лечится».

После того, как она включила свет (солнце перешло на другую половину небосклона, и в комнате стало гораздо темнее), Стефани села за стол и бросила взгляд на свой верный блокнот. На первой страничке красовался текст новой колонки, и хотя девушка написала уже с полдюжины похожих, она все равно смотрела на него с любовью. Это был ее труд, ее работа, и у нее не было сомнения в том, что на всей территории, которую покрывал «Айлендер» – большой территории – эти заметки находили своего читателя.

Винс уселся за собственный стол, сопроводив это коротким, но звучным хрюканьем. Затем последовал легкий

треск, когда он повернулся сначала налево, а затем направо – Винс называл это «регулировкой каркаса» (Дейв не раз предупреждал, что однажды его парализует от шеи до пяток в процессе очередной такой «регулировки», но Винса, кажется, это мало беспокоило). Он наклонился к компьютеру, в то время как управляющий редактор уселся на край стола и принялся обшаривать полость рта зубочисткой.

– Итак, с чего начнешь? – спросил Дейв, пока компьютер Винса загружался. – Пожар? Наводнение? Землетрясение? Может, бунт?

– Думаю, с Эллен Данвуди, которая сломала пожарный гидрант на Бич Лэйн, когда пыталась припарковать машину. Потом – когда я буду в достаточной мере разогрет – все же попробую переписать ту библиотечную передовицу, – ответил Винс, разминая запястья.

– Сначала спина, теперь руки, – заметил Винс, обращаясь к Стефани со своей позиции на столе. – Если бы он разучил пару мелодий и исполнял их, треща костями, мы могли бы отправить его на «Фабрику звезд».

– Критик – он критик и есть, – дружелюбно ответил Винс, глядя в черный монитор. – Знаешь, Стефф, в этом есть что-то забавное. С одной стороны я, девятидесятилетний старикан со своим новеньким «Макинтошем», с другой ты – роскошная, словно спелый плод, девушка двадцати двух лет отроду, до сих пор использующая старый блокнот для записей, будто старая дева в викторианском романе.

– Не думаю, что желтые блокноты присутствуют хоть в одном из них, – ответила Стефани, перебирая бумаги. Когда она только прибыла сюда, ей выделили маленький столик в самом углу, размером не больше школьной парты. В середине июля она получила стол побольше, стоящий в центре комнаты. Это, конечно, не могло не радовать, но большее пространство для работы – это еще и большее пространство для теряющихся вещей. Она нашла, наконец, яркий розовый листок, который искала, и продолжила: – А вы не знаете, случаем, какая организация получает доход от «Ежегодного летнего праздника ферм Джернарда с прыжками в сено, пикником и танцами»? В этом году там будут Литтл Джонна Джей и «Строхилл Бойз».

– Думаю, этой организацией являются Сэм Джернард, его жена, пять детей и кредиторы семьи, – сказал Винс, и его компьютер слабо пискнул. – Мне кажется, Стефф, ты

берешься за слишком объемные темы для такой маленькой колонки.

– Это точно, – согласился Дейв. – Мы получили две дюжины писем, и лишь одно из них ругательное – от миссис Эдины Стин, местной королевы правописания. Она совсем спятила.

– Да, тараканов в ее голове больше, чем в самом занюханном мотеле, – добавил Винс.

Стефани улыбнулась, удивившись тому, как редко встречается это чувство после окончания средней школы – чувство полного и незамысловатого счастья.

– Спасибо, – сказала она. – Спасибо вам обоим. Могу я кое-что спросить? Прямо сейчас?

Винс повернулся в кресле вокруг своей оси и посмотрел на нее.

– Все что угодно, если это хоть немного отдалит меня от миссис Данвуди и ее гидранта.

– А меня – от этих бесконечных счетов-фактур, – вставил Дейв, – хотя я и не могу пойти домой, пока не разберусь с ними.

– Бросай ты эту бумажную волокиту, ты же босс! – воскликнул Винс. – Сколько раз я говорил тебе об этом?

– Тебе легко говорить. Это не ты носишься с бухгалтерской книгой «Айлендера» на протяжении десятка лет.

Стефани не хотела, чтобы разговор перетек в другое русло – а вот эти двое, похоже, хотели – и решила вмешаться.

– Ну хватит уже.

Они удивленно замолчали.

– Дейв, вы так много говорили мистеру Генретти из «Глоуб» о том, что работаете с Винсом вместе вот уже сорок лет...

– Ну да.

– А вы, Винс, начали этим заниматься в 1948.

– Так и есть, – согласился он. – Тогда мы могли похвастаться только «Уикли Шоппером» и «Трейддинг Пост», жалкими рекламными листовками, которые раздавались бесплатно в магазинчиках здесь, на острове, и нескольких крупных торговых центрах на материке. Я был молод, бесшабашен и чертовски удачлив. Помните знаменитые пожары в Тинноке и Хэнкоке? Не скажу, что мы раскрутились только благодаря им – хотя кое-кто в свое время говорил – но это был неплохой старт. Столько

рекламных объявлений, сколько было у меня в сорок восьмом, не было до пятьдесят шестого года.

- И вы, парни, работаете тут больше пятидесяти лет и ни разу не сталкивались с необъяснимыми загадками? Может ли такое вообще быть?

Дейв Боуи выглядел пораженным.

- Мы не говорили этого!

- Ты же была рядом с нами, - возмущенно согласился Винс. На секунду им удалось сохранить это выражение на лицах, но Стефани МакКанн достаточно долго держала их под прицелом своего сурового взгляда, и они не выдержали. Уголки губ Винса Тига задрожали, и тут же дернулся глаз Дэвида Боуи. Парни, возможно, были в отличной форме, но допустили оплошность, переглянувшись. Мгновение спустя они хохотали, как парочка самых старых в мире детей.

3

- По-моему, ты сказал ему о «Прекрасной Лайзе», - сказал Дейв Винсу, когда они оба смогли взять себя в руки. «Прекрасная Лайза Кэббот» была рыбацкой лодкой, которую выбросило на берег соседнего острова Смэк Айленд в двадцатых. На борту нашли одного члена команды - мертвого, остальные пятеро пропали. - Как ты думаешь, сколько раз Генретти слышал эту байку, блуждая взад и вперед по побережью?

- О, понятия не имею. Дорогуша, как ты считаешь, сколько мест посетил этот парень до нас? - ответил Винс, и секундой позже они снова покатывались со смеху - Винс стучал себя по коленке, а Дейв просто держался за ногу. Стефани, нахмурившись, наблюдала за ними - без злобы, без улыбки, пытаясь понять соль шутки. Сама она считала, что история о «Лайзе» была достаточно хороша для по крайней мере одного выпуска (внимание, фанфары) «Необъяснимых загадок Новой Англии», но в то же время она понимала, что Генретти не нашел в ней ничего выдающегося. И да, она видела выражение его лица, говорящее о том, что он не раз слышал эту байку в своем профинансированном «Глоуб» путешествии между Бостоном и Лосиным островом. Когда она сказала об этом вслух, Винс и Дейв кивнули.

- Точно, - сказал Дейв. - Генретти, возможно, и приезжий, но это не означает, что он глупец или лентяй. Историю «Лайзы» - ответ на которую почти несомненно

лежит где-то рядом с маршрутами канадских контрабандистов – пересказывают в этих местах из поколения в поколение. Она описана в полудюжине книг, не говоря уже о всевозможных журналах. И скажи, Винс, уж не «Глоуб» ли...

– Возможно. Семь, может, девять лет тому назад. В воскреснем выпуске – где-то в дополнениях. Хотя это мог быть и «Провиденс Джурнал». А еще «Портленд Сандей Телеграмм» со своим материалом о мормонах и шахте в Мэнской пустыне.

– Да, и Береговые Огни пятьдесят первого наделали много шума, – продолжал Дейв. – Газеты до сих пор вспоминают о них на каждый Хеллоуин, не говоря о специализированных НЛО-сайтах.

– Ну и та женщина, которая в прошлом году написала книгу о массовом отравлении на пикнике в Ташморской церкви, – закончил Винс. Это была последняя Необъяснимая Загадка, о которой они рассказали репортеру «Глоуб» за ланчем. Сразу после чего мистер Генретти заторопился на паром, который отходит в половину второго.

– Так вы издевались над ним, – сказала она наконец. – Дразнили его своими древними побасенками.

– Нет-нет, что ты! – на этот раз голос Винса звучал искренне (ПОЧТИ искренне, решила Стефани) – Каждая из этих историй и в самом деле «Необъяснимая загадка Новой Англии» – во всяком случае, наш посильный вклад в общий список.

– Мы не были уверены в том, что он знает о них, пока не скормили одну за другой, – сказал Дейв. – Просто мы бы не удивились этому.

– Да, все так, – согласился Винс. – Старые добрые каштаны, тут я согласен. Но у нас был хороший ланч, разве нет? И мы получили еще одну возможность наблюдать за круговоротом денежного вещества... которое, частично, осело в кармане Хелен.

– И это действительно все истории, о которых вы знаете? Разжеванные в жвачку в книжонках и крупных газетах?

Винс посмотрел на Дейва.

– Я так сказал?

– Нет, – ответил Дейв. – А если бы и сказал, то я бы не поверил.

– Ну так что еще вы знаете? И почему не рассказали об этом?

Старики смотрели друг на друга, и Стефани МакКанн опять была уверена в том, что присутствует на сеансе телепатии. Винс чуть заметно кивнул головой в сторону двери, и Дейв поднялся, пересек комнату (в темной части которой стоял старый офсетный пресс, не работавший вот уже около семи лет), перевернул табличку, висящую на двери – с «открыто» на «закрыто» – и вернулся назад.

– Закрываемся? В полдень? – Стефани надеялась, что чувство легкого испуга присутствует лишь в ее сознании, не вырываясь наружу вместе с голосом.

– Если кто-нибудь придет с новостями, ему придется постучаться. Если это будут серьезные новости – мы узнаем по стуку, – сказал Винс.

– А если разгорится пожар, мы услышим сирену, – закончил Дейв. – Подходи ближе, Стефф. Не упускай шанс погреться в последних лучах летнего солнца.

Она посмотрела на Дейва, затем на Винса, чей разум в девяносто был столь же быстр, как и в сорок пять.

– Можно считать это звонком с перемены? – спросила она.

– Точно, – сказал Винс, все еще улыбаясь, но Стефани чувствовала, что он серьезен. – Ты же знаешь, что просто обожают старые пни вроде нас?

– Поучать. Давать знания тем, кто в них нуждается.

– Ага. Ты хочешь немного поучиться, Стеффи?

– Да, – твердо ответила она, несмотря на чувство тревоги.

– Тогда подходи ближе и садись, – сказал Винс. – Подходи и садись.

Что она и сделала.

4

Было жарко, но иногда порывы соленого ветра приносили с собой прохладу, звон далеких колокольцев и шум льющейся воды. Эти звуки она полюбила совсем недавно, буквально за последние несколько недель.

Двое пожилых мужчин сидели по обе стороны от Стефани, и, хотя она об этом не догадывалась, думали об одном и том же: тот самый возраст. И ничего преступного в этой мысли не было, они были уверены в собственном решении и понимали, что из этой девушки получится прекрасный журналист, понимали, что она действительно хочет учиться.

- Итак, - сказал Винс, когда они расположились, - подумай обо всех этих историях, что мы рассказали Генретти за ланчем, Стеффи - «Лайза Кэбот», Береговые Огни, мормоны и отравление в церкви... все эти необъяснимые загадки. Вспомни и скажи мне, что их объединяет.

- У них и вправду нет объяснения.

- Попробуй еще, - сказал Дейв. - Не стоит нас разочаровывать.

Она взглянула на него и поняла, что тот не шутит. Что ж, почему бы и нет. Неудивительно, что Генретти не выдержал - и пусть «Глоуб» хотели запустить свою серию из восьми (а может, и девяти, если наберется достаточно материала) выпусков где-то между сентябрем и кануном дня Всех Святых.

- Они все навязли в зубах.

- Что ж, уже лучше, - заметил Винс. - Но по-прежнему ничего нового. Спроси себя, дорогая: почему они так популярны? С чего это некоторые газеты Новой Англии из года в год вытаскивают из сундука историю о Береговых Огнях и печатают размытые фотографии полувековой давности? Зачем крупные журналы - вроде «Янки» или «Побережья» - раз в год берут интервью у Клейтона Риггса или Эллы Фергюсон, как будто они могут сказать что-то новое?

- Я не знаю, кто эти люди, - сказала Стефани.

Винс почесал затылок.

- Да, это мой прокол. Забыл, что ты не отсюда.

- Можно это считать комплиментом?

- Возможно, наверное, даже должна. Клейтон Риггс и Элла Фергюсон были теми двумя счастливицами, что выпили холодный кофе в Ташморе и выжили. С Эллой все в порядке, а вот вся левая часть тела Риггса так и осталась парализованной.

- Это ужасно! И они продолжают брать у них интервью?

- Ага. Прошло пятнадцать лет, и любой полоумный скажет тебе, что за это преступление - восемь отравленных, шесть трупов - никто не будет арестован, а эти двое с завидным постоянством всплывают на газетных страницах, все рахитичнее с каждым годом. «Что случилось в этот день?», «Ужас на озере»... продолжить можешь сама. Просто это одна из тех историй, которую ХОТЯТ услышать, как «Красную шапочку» или «Трех поросят». Вопрос в другом: почему?

Но Стефани не желала ждать и высказывать догадки.

- Было что-то еще, да? Что-то, о чем вы не рассказали.

И снова этот взгляд между ними – и никакой догадки, какими мыслями старики обмениваются на этот раз.

- Об этом мы тебе не говорили... да, Винс?

- Вроде бы нет, – и снова эта паутинка из морщинок, когда он подставил улыбающееся лицо солнцу.

- «Если тебе нужна переправа, принеси чашку чая паромщику». Помнишь эту песню?

- Да, вроде бы, – ответила Стефани, вспоминая старые мамины пластинки на чердаке.

- Хорошо, – сказал Дейв. – Тогда ответь на вопрос. Генретти не понравились эти истории, потому что они были слишком затасканы. А что сделало их такими?

Она размышляла, и вновь они позволяли ей спокойно подумать. Наслаждаясь ею.

- Ну, – начала Стефани, – Я думаю, что людям необходимы такие истории – чтобы слегка попугать друг дружку зимним вечером, особенно если зажжен свет, а в камине потрескивают дрова. Истории о непонятном.

- А сколько непонятных вещей должна содержать такая история? – спросил Винс Тиг. Его голос был мягким, но глаза блестели.

Она уже открыла рот, чтобы сказать: да сколько угодно, хоть шесть – вспоминая случай в церкви. И снова закрыла, потому что в на Ташмор Лэйк действительно погибли шестеро, но лишь одна порция яда погубила их, и Стефани предполагала, что организатор был тоже один. Она понятия не имела, сколько раз появлялись Береговые Огни, но не сомневалась, что очевидцы говорили об одном случае. Так что...

- Одну? – сказала она, чувствуя себя финалистом «Своей игры». – Один непонятный случай на одну историю?

Винс наставил на нее палец и улыбнулся еще шире. Стефани расслабилась. Она не находилась в школьном классе, а эти двое не собирались выгнать ее вон, если она ответит неправильно. И все же она хотела им понравиться, так же, как хотела понравиться лучшим учителям в школе и колледже – тем, кто относился к своему предмету с особым рвением.

- Эти ребята думают, что раз живут поблизости, то могут легко объяснить, что же случилось на самом деле; они считают, что ТАМ обязательно что-то должно быть, и у каждого появляется своя потрясающая идея. Возьмем, к

примеру, «Лайзу», разбившуюся о камни недалеко от Смэк Айленда в двадцать шестом...

- Двадцать седьмом, - поправил Винс.

- Ну хорошо, в двадцать седьмом, с одним лишь Теодором Рипоно на борту - мертвым, к сожалению, и хотя ни следов крови, ни борьбы так и не нашли, все решили, будто это был пиратский ботик, и что тот, у кого была карта Острова Сокровищ, вырезал остальных.

- Почему же, популярна и другая версия, - добавил Винс.

- Они просто передрались из-за этой карты. Дело в том, что эта история из тех, классических, которые людям нравится как рассказывать, так и слушать. Генретти, однако, был достаточно умен, чтобы разобраться, что к чему. А его редактор, думаю, не глупее.

- По крайней мере, в ближайшие десять лет эта байка в антологию не попадет, - сказал Дейв.

- Потому что, рано или поздно, все старое вновь обретает актуальность. Возможно, это кажется тебе невероятным, Стеффи, но это так.

- Почему же, я верю, - ответила она, думая про себя: «Чай для паромщика» - это Эл Стюарт? Или, может быть, Кэт Стивенс?

- Потом эти Береговые Огни. Точно могу сказать, почему они так популярны. Видишь ли, все дело в фотографии - на которой, возможно, запечатлены всего лишь отблески огней Элсуорта на низких облаках, сложившиеся в замысловатую фигуру и отдаленно напоминающие блюда. А под ними - вся сборная команда малой лиги Хэнкока, задравшая подбородки вверх, каждый в новенькой форме.

- Не забудь про маленького мальчика, который тычет в небо своей перчаткой, - сказал Дейв. - Последний штрих. И все, кто видит это, говорят: «О боже, это, должно быть, инопланетяне, спустившиеся на пару часов, чтобы поглазеть на Великую Американскую Игру». И все же - это еще одна байка. Ничего больше.

- Хотя «Бостон Глоуб», как мне кажется, может на нее клюнуть.

Двое стариков рассмеялись - как это могут делать только старые друзья.

- Так что, - сказал Винс, - Мы, возможно, знаем парочку ПО-НАСТОЯЩЕМУ необъяснимых загадок.

- Я бы наверняка говорил только об одной, - поправил его Дейв. - Хотя, наверняка, с ней связано еще несколько.

- Ну... хорошо, об одной, пусть будет так, - проговорил Винс с сомнением в голосе.

- И даже в этом случае мы не можем быть уверены на сто процентов, верно? - продолжал Дейв.

- Гхм, - нехотя согласился Винс, и теперь его голос звучал неуверенно. То же выражение было и на его лице.

- Не понимаю, - сказала Стефани. - Я в замешательстве.

- Это точно, история парня из Колорадо - она вся такая,

- ответил ей Винс. - Вот почему ей вовсе не обязательно отправляться в «Бостон Глоуб». Слишком много непонятного. Даже для того, чтобы начать - не говоря уже о всей истории целиком.

Он наклонился к ней и пристально посмотрел в глаза.

- Ты хочешь быть корреспондентом, верно?

- Конечно, хочу, и вы знаете об этом, - удивленно ответила Стефани.

- Хорошо, тогда я раскрою тебе секрет, который обязан знать каждый человек, желающий связать свою жизнь с этим ремеслом: в повседневной жизни количество законченных историй - с началом, продолжением и развязкой - ничтожно мало. Но если вы возьмете реальный случай и добавите нечто загадочное, то люди сами договорят все остальное и сочинят прекрасную историю. Удивительная штука, верно? Взять эти отравления. До сих пор никто не может сказать, кто за этим стоял. Что известно достоверно, так это то, что у Роды Паркс, секретаря церкви, и пастора Уильяма Блэйки за шесть месяцев до происшествия случилась небольшая интрижка. Затем Блэйки женился и бросил Роду. Ты слушаешь, Стефани?

- Да, - ответила она.

- Также известно, что после разрыва с пастором Рода Паркс была очень подавлена - об этом рассказала ее сестра - и что они оба были среди тех, кто выпил отравленный кофе. Так что же случилось, а, Стефани? Ни секунды промедления.

- Я думаю, что Рода отравила этот кофе. Возможно, желая убить своего бывшего любовника. А затем, понимая, что от наказания не уйти, выпила напиток сама. Остальные четверо - плюс те, кто выжили - вполне укладываются в определение того, что можно назвать «косвенный ущерб». Винс хрустнул пальцами.

- Ага, - сказал он. - Вот тебе готовая история, из тех, что мы только что обсуждали. Газетам не обязательно

печатать все это – читатели сами в состоянии связать концы с концами. Но что говорит против этой версии?

На этот раз Стефани не нашлась, что ответить. Все выглядело вполне логично, и она уже хотела сдаться, когда Дейв встал, подошел к крыльцу, ведущему на террасу, и тихо сказал: «Шесть месяцев – довольно долгий срок, не правда ли?»

– Кажется, говорят, будто мечь лучше всего подавать холодной, – возразила Стефани.

– Ну да, вот только когда ты собираешься отправить на тот свет шестерых, это, как мне кажется, несколько выходит за границы простой мести. Не то, чтобы я слишком уж протестовал, просто может быть и другое объяснение. Как блики на облаках в случае с Береговыми Огнями. А может, кстати, это был секретный военный самолет с базы в Бангоре. Или маленькие зеленые человечки, решившие посмотреть, удастся ли малышам из «Бит Хэнкока» одолеть соперников из «Тиннока», почему бы и нет.

– Люди обычно довольствуются тем, что идентифицируют единственный неизвестный фактор – одинокого отравителя, стайку огней или корабль-призрак, – сказал Винс. – Но в случае с Парнем из Колорадо неизвестного слишком много. Почти все. И, следовательно, никакой истории быть не может. Это похоже на поезд, выезжающий из камина, или связку лошадиных голов, появившихся одним прекрасным утром под вашей дверью. Не настолько, конечно, грандиозно, но как минимум более чем странно. А такие вещи... – он покачал головой, – Стеффи, людям не нравятся такие вещи. Они не желают о них слышать. Волна, бьющаяся о берег – прекрасное зрелище, но когда волн слишком много, начинается морская болезнь.

Стефани наблюдала за прибоем, искрящимся в лучах солнца.

– Есть еще кое-что, – произнес Дейв.

– Что? – спросила она.

– Это – наше, – ответил он с неожиданной силой в голосе, почти гневно. – Парень из «Глоуб» испачкал бы это своими грязными лапами. Он бы не понял.

– А вы сами понимаете? – спросила она.

– Нет, – ответил он, садясь на место. – Но я и не должен, моя дорогая. В случае с парнем из Колорадо я немного смахиваю на Деву Марию, когда та родила Иисуса. В Библии говорится что-то вроде «и Мария молчала, храня

случившееся в своем сердце». Иногда это лучший выход. В особенности, когда дело касается загадок.

- Но мне вы все же расскажете.

- Конечно! - удивленно воскликнул он, создалось впечатление, будто Дейв очнулся от легкой дремоты. - Потому что ты - одна из нас, верно, Винс?

- Так точно, - ответил тот. - Ты прошла это испытание где-то в середине июля.

- Я? Прошла? - Стефани вновь ощутила прилив беспричинного счастья. - Какое испытание?

Винс покачал головой.

- Не могу сказать. Просто в какой-то момент ты стала своей.

Он посмотрел на Дейва, тот кивнул, и Винс вновь взглянул на Стефани.

- Ну что ж, - сказал он. - Вот история, которую мы не рассказали за ланчем. Наша самая необъяснимая загадка. История парня из Колорадо.

5

- Двадцать пять лет назад, - начал Дэйв, - когда на дворе стояли восьмидесятые, на острове жили два ребенка. Чтобы добраться до школы, они всегда садились на паром, который отходил в половине седьмого, хотя могли бы пользоваться и следующим рейсом, на семь тридцать. Оба были членами команды объединенной средней школы Бэй-вью по легкой атлетике - паренек и его подружка. Как только кончалась зима - а здесь, на побережье, она всегда короче - они бежали через весь остров, вниз по пляжу Хэммок Бич до главной дороги, дальше на Бэй Стрит и к докам. Понимаешь, Стеффи?

Она понимала. Даже находила это романтичным. Чего она не понимала, так это того, что делали «паренек и его подружка» на другом берегу. Она знала, что около дюжины старшеклассников с острова всегда пользовались паромом на семь тридцать. Они протягивали паромщику - Херби Госслину или Марси Лагасс - свои пропуска, и те проводили по ним старым лазерным сканером, который, быстро мигая, считывал штрих-коды. На другом берегу их ждал автобус, а до школы оставалось три мили. Стефани предположила, что бегуны дожидались этого автобуса, но Дэйв, улыбаясь, покачал головой.

- Не-а, переправившись, они бежали и по той стороне. Не держась за руки – хотя могли бы. Всегда плечом к плечу, Джонни Грэвлин и Нэнси Арно. Пару лет они были почти неразлучны.

Стефани выпрямилась. Она знала лишь одного Джона Грэвлина – мэра Лосиного острова, общительного и добродушного человека с видами на должность сенатора от штата Огаста. Он уже начал лысеть, живот постепенно увеличивался в размерах. Стефани попыталась представить себе Джона Грэвлина, пробегающего ежедневно пять миль – две на острове, еще три на материке – и не смогла.

- Верится с трудом, не так ли, дорогая? – спросил Винс.

- Да, – признала она.

- Это из-за того, что ты знакома с мэром Джоном Грэвлином, политической лягушкой в маленьком островном пруду. Он ходит по Бэй Стрит взад и вперед, пожимая руки и ухмыляясь этой своей золотой ухмылкой, всегда наготове ободряющее словечко для каждого. Он никогда не забывает имен и точно помнит, кто водит «Форд-пикап», а кто до сих пор катается на отцовском «Интернешнл-харвестере». Он похож на одного из тех провинциальных политиканов, которые часто мелькали на киноэкране в сороковых, но он настолько провинциал, что не понимает этого. Еще один прыжок – и наш лягушонок окажется на огастовской кувшинке, где ему хватит ума остановиться... или не хватит, и тогда его последний прыжок окончится плачевно.

- Это так цинично, – не без восхищения заметила Стефани. Винс пожал костлявыми плечами.

- Слушай, я и сам вполне себе стереотип, только мой фильм из тех, где старый газетчик в нарукавниках и защитных очках в самый последний момент начинает орать «Остановите станок!» Я считаю, что Джонни был немного другим в те дни – тощим, как стержень авторучки, и быстрым – очень быстрым. Его можно было бы назвать богом – если не принимать во внимание эти ужасные торчащие зубы. Со временем он исправил этот недостаток. И она... в своих тесных красных шортах она тоже походила на богиню. – Здесь он сделал паузу. – Кем большинство семнадцатилетних девушек и является.

- Может, ты перестанешь растекаться мыслью по древу? – сказал Дейв.

- Не по древу, – укоризненно поправил его Винс. – Мои мысли сейчас где-то в небесах.

– Как скажешь, – ответил Дейв. – Допустим, она была красоткой. На дюйм или два выше Джонни – возможно, поэтому они и разбежались весной выпускного года. Но в восьмидесятых они еще устраивали утренние пробежки – к парому на этом берегу и до школы на другом. Люди судачили, когда же Нэнси залетит от Джонни, но она так и не залетела. Либо он был чересчур деликатен, либо она – слишком осторожна. – Дейв замолчал на секунду. – Какого черта, скорее всего они были просто смысленее остальных подростков.

– По-моему, мы начали говорить о беге, – осуждающе заметил Винс.

– Давайте уже к делу, а? – нетерпеливо воскликнула Стефани, и старики улыбнулись.

– К делу, – сказал Винс. – Весенним утром – кажется, стоял апрель – восьмидесятого года, они заметили человека, сидящего на Хэммок Бич. Ты же знаешь это место?

Стефани, конечно, знала. Хэммок Бич был прекрасным местом для отдыха, правда, с приходом лета переживающим непрекращающийся наплыв туристов. Она даже боялась предположить, что там творится после Дня Труда, хотя у нее был шанс узнать наверняка: практика заканчивалась пятого октября.

– Вообще-то, он не просто сидел, – уточнил Дейв. – Он опирался спиной на мусорный бак – из тех, что присыпаны песком, чтобы ветер не их опрокинул. Но вес мужчины был куда как более сильным, чем порыв ветра, так что бак... – Дейв поднял ладонь и наклонил ее.

– Бак стал похож на Пизанскую башню, – улыбнулась Стеффи.

– Ага, точно. Мужчина был одет не по погоде: термометр показывал сорок два градуса, а если учитывать холодный морской ветер, то можно смело говорить о тридцати двух³. На нем были простые серые брюки и белая рубашки. Туфли на ногах. Ни пальто, ни перчаток. Ребята не сказали друг другу ни слова, просто подбежали к нему, чтобы убедиться, что все в порядке – и тут же убедились, что никаким порядком тут и не пахло. Джонни говорил позже, что как только увидел лицо этого парня, сразу понял: он мертв. Нэнси твердила то же самое, но, думаю, им просто

³ По Фаренгейту.

не хотелось проверять. Тебе бы хотелось? Если бы ты не была уверена?

– Нет, – ответила Стефани.

– Он сидел там, опираясь на бак – одна рука лежит на колене, другая на песке – с лицом цвета воска, не считая маленьких пурпурных точек на щеках. Глаза закрыты. Нэнси говорила, будто его веки были синими, как и губы, а шея выглядела одутловатой. Волосы парня были светлыми – такого же оттенка, как и песок под ногами – и достаточно длинными, чтобы челка, падающая на лоб, развевалась с каждым дуновением ветра.

– Мистер, вы заснули, – сказала Нэнси. – Если вы спите, вам лучше проснуться.

– Он не спит, Нэнси, – сказал Джонни Грэвлин. – И он не без сознания. Он не дышит.

Позже она скажет, что знала, но в тот момент не могла в это поверить. Конечно, не могла – она же была совсем ребенком.

– Может, спит, – сказала Нэнси. – Никогда нельзя быть уверенным, дышит человек или нет. Толкни его, Джонни.

Он не хотел прикасаться к этому парню, но он также не хотел выглядеть трусливым цыпленком в глазах подружки, так что он наклонился – заставил себя это сделать, как признался мне годами позже, когда мы пропускали по стаканчику в «Брейкерс» – и потряс сидящего мужчину за плечо. Как только он коснулся плеча, то все понял – то, что было под рубашкой, не походило на живую плоть. Тем не менее, он попытался растолкать мужчину.

– Проснитесь мистер, – он хотел сказать «вас можно принять за мертвеца», но промолчал (уже тогда в нем говорил политик), сказав вместо этого: – Проснитесь, кофе уже остыл!

Он толкнул его дважды. Сначала ничего не происходило, а затем голова парня упала на плечо – то самое, которое тряс Джонни – и он плавно опустился на бок у его ног, головой уткнувшись в песок. Нэнси закричала и побежала назад, к дороге, побежала так быстро, как только могла... а она была очень быстрой, скажу я тебе. Возможно, Джонни пришлось бы бежать за ней вдоль всей Бэй Стрит, и, я не знаю, до самых доков... но она остановилась, и он догнал ее, и обнял, и сказал, что никогда еще не был так счастлив от того, что чувствует биение сердца под своей ладонью. Мне он говорил, что до сих пор не забыл, каково это – трогать плечо трупа.

Словно прикасаешься к бревну, на которое какой-то шутник натянул рубашку.

Дейв замолчал и встал на ноги.

– Я хочу колы, – сказал он. – Это долгая история, и мне нужно промочить горло. Кому-нибудь еще?

Оказалось, хотят все. Стефани пошла за напитками, и когда вернулась, обнаружила, что оба старика сидят на террасе, разглядывая едва различимый контур материка. Она уселась рядом, поставила старый жестяной поднос на стол и раздала стаканы.

– На чем я остановился? – спросил Дейв, сделав длинный глоток.

– Думаю, ты знаешь, – ответил Винс. – На том месте, где наш будущий мэр и Нэнси Арно – лишь господь знает, где она теперь, возможно, в Калифорнии, такие, как она, почему-то всегда уезжают с острова к черту на кулички – нашли парня из Колорадо мертвым на Хэммок Бич.

– Ну да. И вот Джонни предложил побежать к ближайшей телефонной будке – возможно, это был автомат за Публичной Библиотекой – и позвонить Джорджу Вурносу, который тогда был констеблем острова. Но Нэнси захотела, чтобы Джонни усадил человека назад... Так она его и называла – «человек»; не «труп», не «тело» – только «человек».

– Я не думаю, что полиции это понравится, – сказал Джонни.

– Но ты уже пошевелил его, – возразила она. – Я просто хочу, чтобы он сидел так, как это было до нас.

– Это ты велела мне пошевелить его, – ответил он.

– Ну Джонни, я не могу думать о нем, пока он вот так лежит, – ответила Нэнси. – Мне так страшно!

И она заплакала. Это, конечно, решило все, и он вернулся назад, туда, где лежал «человек», в той же позе, в которой и был, только теперь на левой щеке парня бледнело пятно песка.

Джонни сказал мне той ночью, что никогда бы не решился на это, если бы Нэнси не стояла там и не наблюдала за его действиями, и я склонен ему верить. Мужчина ради женщины способен на многое – в том числе и на то, на что он никогда бы не решился, даже будучи пьяным и подначиваемым дюжиной друзей. Джонни рассказывал, что чем ближе он подходил к телу – лежащему на песке так, словно он сидел на невидимом опрокинутом стуле – тем сильнее крепла в нем уверенность, что как только он

приблизится к нему на достаточное расстояние, парень откроет глаза и вцепится в него мертвой хваткой. Да, он знал, что этот человек мертв, но от этого было только хуже. В конце концов Джонни подошел, и взял себя в руки, и обхватил это деревянное тело, и усадил его так, как он сидел до них – прислонившись спиной к мусорному баку. Он говорил, будто постоянно ждал, что крышка бака упадет с громким звоном – и тогда он не выдержит и закричит. Но крышка не упала, а Джонни не закричал. Я глубоко убежден, Стеффи, что мы, бедняги, всегда предполагаем самое худшее в том числе и потому, что на самом деле оно случается довольно редко.

– Вы и в самом деле так думаете?

– Разумеется, мэм! В любом случае, как только Джонни собрался уходить, он заметил пачку сигарет, лежащую на песке. И так как худшее было позади, он счел возможным поднять ее и положить в нагрудный карман рубашки мертвеца – напоминая себе, что он обязан сообщить об этом Джорджу Вурносу, когда полиция начнет искать улики и отпечатки пальцев, и найдет его собственные на этом целлофане. Затем он вернулся к Нэнси, которая обнимала свои плечи и переминалась с ноги на ногу. Возможно, мерзла в своих тоненьких шортах, но я думаю, что была еще как минимум одна причина.

В любом случае, мерзла она недолго, потому что они так припустили к Публичной Библиотеке, что если бы кому-нибудь пришло в голову включить секундомер, он показал бы рекорд скорости в беге на полмили. В кошельке Нэнси нашлось несколько четвертаков, и именно она набрала номер Джорджа Вурноса, который только собирался на работу. Он владел небольшим автомагазинчиком – сейчас там небольшой рынок.

Стефани, которой доводилось писать о нем, кивнула.

Джордж спросил ее, уверена ли она в том, что этот человек мертв, и Нэнси сказала, что уверена. Тогда он попросил к телефону Джонни и задал ему тот же вопрос. Джонни ответил то же самое. Джонни сказал, что попытался расшевелить человека, но он был задубевшим, как полено. Он рассказал о том, как труп упал, и что у него из кармана выпала пачка сигарет, и о том, как он усадил парня обратно и вернул сигареты назад. Джонни опасался, что получит от Джорджа нагоняй, но тот не сказал ни слова. Никто ничего не сказал. Не слишком-то похоже на все эти истории из ящика, верно?

– Пока что нет, – ответила Стефани, хотя это слегка напомнило ей одну из серий «Она написала убийство». Только навряд ли в рассказываемой истории появится, как чертик из табакерки, Энджела Лэнсберри и подскажет разгадку. Хотя... кто-то все равно должен появиться и подсказать. Откуда-то же известно, что мертвый парень явился сюда из Колорадо.

– Джордж сказал, чтобы Нэнси и Джонни вернулись на пляж и дождались его, – продолжал Дейв. – Проследили, чтобы никто не приближался к трупам. Джонни сказал: «Хорошо», на что Джордж сказал: «Если вы, ребята, опоздаете на паром, я напишу для вас объяснительную записку». Джонни сказал, что сейчас это последняя мысль, которой он сейчас озабочен, и повесил трубку. Затем они вместе с Нэнси побежали назад, к Хэммок Бич. Не со всех ног, конечно – просто побежали.

Это Стефани могла понять. Дорога от Хэммок Бич до Музи Виллидж шла под уклон. Обратный путь требовал гораздо больше энергии, особенно если вы только что выплеснули весь свой адреналин.

– Джордж Вурнос, тем временем, позвонил доктору Робинсону на Бич Лэйн, – Винс сделал драматическую паузу и улыбнулся. – Ну а тот уже позвонил мне.

6

– На единственном публичном пляже острова находят жертву убийства, и представитель местных властей тут же звонит редактору заштатной газетки? – удивилась Стефани.

– Да, это совершенно не в духе «Она написала убийство»!

– Жизнь на побережье Мэна вообще не в духе «Она написала убийство», – сухо ответил Дейв. – А в те годы – тем более, Стеффи. Если все будут точно знать, что случилось, это остановит все сплетни и домыслы... Да и к тому же – убийство, представитель закона... Похоже, ты несколько опережаешь события, тебе не кажется?

– Не набрасывайся на нее, – сказал Винс. – Мы сами вбили ей это в голову – всеми этими огнями в небесах и отравлениями. Стефф, Крис Робинсон присутствовал при родах двух моих детей. Моя вторая жена, Арлетт, на которой я женился спустя шесть лет после смерти Джоанны, была близким другом семьи Робинсонов и даже встречалась с братом Криса Генри, когда училась в школе. Все так,

как сказал Дейв, только все это гораздо больше, чем простые деловые отношения.

Он поставил стакан содовой (которую называл «допингом») на поручень ограды и поднял руки к лицу и слегка развел их в стороны в жесте, который Стефани нашла обаятельным и обезоруживающим. Мне нечего скрывать, говорил этот жест.

– Мы все очень крепко повязаны здесь. Всегда так было, и, как мне кажется, все так и останется. Мы не хотим меняться.

– Никаких долбанных Уолл-Март, упаси господи, – вставил Дейв. – Извини, Стефф.

Она улыбнулась, давая ему понять, что он прощен.

– В любом случае, – продолжил Винс, – я бы хотел, чтобы ты выкинула мысль об убийстве из головы. Хорошо?

– Хорошо.

– Хотя от этой мысли сложно избавиться, верно? Почти все, что связано с парнем из Колорадо, сложно. Еще одна причина, по которой эта история не подходит «Бостон Глоуб», не говоря уже о «Янки» или «Даун – ист». Даже мы... Нет, мы, конечно, написали об этом, потому что работаем в газете и обязаны сообщать о подобных вещах. Я собираюсь написать о сложных взаимоотношениях Элен Данвуди и пожарного гидранта, помнишь – а ведь есть еще малыш Лестеров, которого собираются отправить в Бостон на пересадку почки (если он доживет до этого), и, разумеется, «Ежегодный летний праздник ферм Джернарда с прыжками в сено и танцами».

– Вы забыли про пикник, – вставила Стефани. – Люди должны знать всю правду.

Старики рассмеялись. Дейв держался за грудь, давая ей понять, что она «хорошо сказала», как это называли тут, на острове.

– Разумеется, дорогая, – согласился Винс, все еще улыбаясь. – Но иногда случается что-то – двое ребят, например, находят во время утренней прогулки труп – и ты говоришь себе: «о, похоже у нас тут история». И ты решаешь делать не простой репортаж – с банальным перечислением «что-где-когда» – но настоящую, книжную историю. И вдруг обнаруживаешь, что у тебя не получается. Потому что все, что у тебя есть – это кучка разрозненных фактов, скрывающих по-настоящему необъяснимую загадку. А вот этого людям не нужно.

Подобное положение дел их расстраивает. Слишком ного волн, и у них начинается морская болезнь.
– Аминь, – заключил Дейв. – Почему бы тебе не рассказать остальное, пока еще светло?
И Винс Тиг рассказал.

7

– Мы были в курсе почти с самого начала – под словом «мы» я подразумеваю меня и Дейва, штат «Уикли Айлендер» – хотя я и не пускал в печать то, что Джордж Вурнос просил не печатать. У нас не было с этим проблем, потому что течение дела, похоже, никак не отражалось на общем градусе жизни на острове. А это необходимо учитывать – и со временем ты научишься, Стеффи, научишься и привыкнешь, как к надоедливой занозе в мозгу.

Ребята вернулись к телу и принялись его охранять. Не то, чтобы у них было много работы – вообще-то, за все время до приезда Джорджа мимо них проехало всего лишь четыре автомобиля, все в город, и водителям, похоже, не было никакого дела до подростков, разминающихся перед небольшой парковкой на Хэммок Бич.

Роль Нэнси и Джонни в этой истории закончилась, когда Джордж прибыл на место происшествия и отпустил их. Им было любопытно – людям свойственно любопытство – но, я не сомневаюсь, в глубине души они были только рады этому. Джордж оставил машину на парковке, и док, который приехал вместе с ним, вытащил с заднего сиденья свою сумку. Они подошли к тому месту, где, прислонившись к мусорному баку, сидел мертвый человек. Он опять завалился на бок, и первое, что сделал Робинсон – снова усадил его прямо.

– Так он все-таки мертв, док? – спросил Джордж.
– О да, мертв уже около четырех, возможно, шести часов, – ответил тот (в тот момент я как раз парковал свой «Шевроле» рядом с «Фордом» Джорджа). – Задубел, как доска. Rigor mortis⁴.
– Значит, он здесь уже... с полуночи, получается? – сказал Джордж.

⁴ Rigor mortis (лат.) – трупное окоченение.

- Или с прошлого Дня Труда, я не знаю. Могу лишь точно сказать, что мертвым он здесь гостит с двух утра, не позже. Судя по степени окоченения. Может быть, смерть наступила раньше – сложно определить на глаз. Опять же, поправка на ветер...

- Вчера вечером не было никакого ветра, – сказал я, присоединяясь к ним. – Стояла тишина, как на церковной службе.

- О, вы только посмотрите, кто пришел, – сказал Робинсон. – Может, установишь время смерти самостоятельно?

- Ну уж нет, это я оставлю тебе, – парировал я.

- Скорее, окружному медэксперту Кэткертю. В конце концов, ему платят за это дополнительно одиннадцать кусков в год, не мне. Хотя это не так уж и много, по моему скромному мнению. И все же я утверждаю, что парень мертв с двух часов.

С минуту мы постояли молча, словно отдавая какую-то скорбную дань. Иногда минута – это очень мало, но тогда она тянулась бесконечно. Я помню ветер, все еще слабый, но уже усиливающийся с востока. В таких случаях – и когда вы находитесь на материковой части острова – он издает такой грустный звук...

- Я знаю, – тихо сказала Стефани, – словно кто-то стонет.

Они кивнули. Зимой это было больше похоже на вопль покинутой всеми старухи, чего Стефани знать не могла, и они решили не просвещать ее на этот счет.

В конце концов, Джордж нарушил молчание и поинтересовался у дока его мнением по поводу возраста мертвого.

- Лет сорок, плюс-минус пять. Как ты считаешь, Винсент? Я кивнул. Цифра казалась верной, и я подумал, что ему, наверное, было очень грустно умереть в сорок. Самый неподходящий возраст.

Тут Робинсон увидел что-то интересное. Он присел на колени (что было, наверное, тяжело для человека его комплекции) и приподнял правую руку мертвого человека, ту, что лежала на песке. Пальцы на ней были скрючены, словно он пытался соорудить из них нечто вроде подозрной трубы. Когда док повернул руку ладонью вверх, мы заметили какую-то темную субстанцию, прилипшую к фалангам.

- Что это? – спросил Джордж. – Похоже на обычный песок.

- Но почему он прилип к руке? Эта корзина, как и прочие, расположены выше линии прилива, все это знают. Дождя не было – песок совершенно сухой. И еще, взгляните-ка на это.

И он проделал то же самое с левой рукой. Мы увидели обручальное кольцо... и полное отсутствие песка, мокрого или сухого, на пальцах и ладони. Док опустил руку на место и вновь принялся изучать подозрительную правую. Он слегка повернул ее, чтобы первые солнечные лучи падали на ладонь.

- А вот это, видите?

- Что это? Жир? Остатки жира?

- Скорее всего, – док улыбнулся. – И обратите внимание на конфигурацию пальцев.

- Ага, он словно в скаута играл, – ответил Джордж.

Мы все опустились на колени, будто мусорный бак был алтарем, а трое мужчин перед ним молили неведомое божество о воскрешении.

- Нет, я не считаю, что он играл в скаута, – сказал Робинсон, и я кое-что понял, Стеффи – он был возбужден, как бывают возбуждены люди, когда они сталкиваются с чем-то, что исключено из их повседневной жизни. Док посмотрел на лицо мертвеца (по крайней мере мне так показалось), затем снова на скрюченную ладонь. – Нет, я совершенно так не считаю.

- Тогда почему? – спросил Джордж. – Я собираюсь сообщить об этом в полицию штата и офис министерства юстиции, Крис. И если у тебя есть что сказать – говори, и перестань изображать из себя Эллери Квина.

- Видишь, его большой палец почти касается указательного и среднего? – спросил док, и мы, конечно же, видели. – Если бы он пытался разглядеть что-то, его большой палец находился бы над средним, и еще, скорее всего, безмянным. Если не верите мне – попробуйте сами. Я попробовал и убедился, что док прав.

- Это не подозрная труба, нет, – сказал он, снова прикасаясь к негнувшийся мертвой руке. – Это клещи. Добавим к этому засохший жир и песок... Что выходит?

Я догадался, но представителем закона здесь был Джордж, и я позволил сказать ему.

- Как будто он ел что-то, когда умирал. Какого черта? И где эта еда сейчас?

Робинсон указал на шею человека, сидящего у наших ног. Даже Нэнси Арно заметила неладное, но посчитала, что шея просто распухла.

– Большая часть, думаю, там, – сказал он. – Поддай мне мою сумку, Винс.

Я подал, и он попытался там что-то найти. Он обшаривал содержимое одной рукой, все еще балансируя на колене; он был толстым, чего уж там, и второй рукой ему приходилось опираться на землю. Он не смог найти, что ему нужно и протянул сумку обратно.

– У меня там два отоскопа, Винсент. Один повседневный и один запасной, который выглядит так, словно им ни разу не пользовались. Мне нужны оба.

– Эй, эй, не желаю об этом слышать, – сказал Джордж. – Пусть этим занимается Кэткерт. Он получает за это одиннадцать кусков, не ты.

– И все же я возьму ответственность за себя, – ответил док. – Любопытство сгубило кошку, знаю, зато увиденное сделало ее чуточку счастливее. Ты вытащил меня сюда, не разрешив сделать и глотка чая, не говоря уже о кусочке тоста, так что не откажи мне в частичке специфического счастья. Может, у меня и вовсе ничего не получится. Но все же... Винсент, возьми вот этот. Джордж, а ты возьми запасной, и пожалуйста, не надо ронять его на песок, он стоит две сотни. Я не ползал на четвереньках с семилетнего возраста, так что если вы не хотите, чтобы я всем своим весом свалился на этого парня, в ваших интересах в точности выполнять мои указания. Вы слышали что-нибудь о подсветке – в музеях, например, где по периметру картины устанавливают источники света, чтобы она выглядела ярче?

Джордж не слышал, так что доку пришлось объяснить. Когда Крис закончил (и убедился, что Джордж Вурнос правильно его понял), редактор местной газеты встал на колени по одну сторону трупа, а констебль острова – по другую, каждый с небольшим фонариком в руке. Только вместо музейного экспоната мы должны были освещать глотку мертвеца, чтобы доктор Робинсон смог должным образом ее осмотреть.

– В других обстоятельствах это, наверное, выглядело бы забавно, – сказал док и оттянул челюсть мертвеца, словно это был какой-то рычаг.

- Чуть ближе, парни. Не думаю, что он укусит, но если все же это произойдет, за ошибку придется расплачиваться мне.

Мы пододвинулись и посветили фонариками внутрь. Горло было красным, местами – черным, лишь язык по-прежнему оставался розовым. Мы слышали, как док ковыряется там, слышали, как он сказал – себе, не нам: «еще немного», и раскрыл челюсти шире.

- Поднимите фонарики, светите прямо в горло, – попросил он, и мы с Джорджем так и сделали. Яркое пятно переместилось с языка на эту штуковину, которая болтается над ним...

- Uvula⁵, – в один голос сказали Дейв и Стефани.

Винс кивнул.

- Да-да, оно самое. И вот сразу за этой штукой я увидел что-то... часть чего-то, чего-то темно-серого. Доку хватило пару секунд, чтобы разглядеть, он вытащил руку из глотки мертвого парня – нижняя губа угрожающе чмокнула, но челюсть осталась на месте – и не удержал равновесия.

- Похоже, без вашей помощи мне не встать, – сказал он, когда набрал в грудь достаточно воздуха. – Ноги полностью онемели.

- Я помогу тебе, если ты мне все расскажешь, – ответил Джордж. – Ты увидел что-нибудь? Я, например, не видел ни черта. А ты, Винс?

- Кажется, видел, – по правде говоря, я был абсолютно уверен.

- Оно там, все верно, – сказал Робинсон. Его голос по-прежнему был неровным, но в нем читалось удовлетворение – словно он почесал, наконец, надоедливо зудящую царапину. – Кэткерт вытащит и определит точно – свинина, говядина, еще что-то – хотя, на мой взгляд, это неважно. Этот парень пришел сюда с куском мяса в руке, он ел, наблюдая за тем, как луна освещает побережье, вот что важно, ел, прислонившись спиной к мусорной корзине, и подавился. Как негритенок в той считалочке. Возможно, удушье вызвал последний укус, но это вовсе не обязательно.

- Могла прилететь чайка – когда он уже был мертв. Вот почему на руке остались лишь частички жира, – предположил Джордж.

⁵ Uvula (лат.) – язычок, латинское название «болтающейся штуковины».

- Ну да, - согласился Крис. - А теперь, может, вы все-таки поднимите меня, или предлагаете ползти к машине на четвереньках?

8

- И что ты думаешь, Стеффи? - спросил Винс, охлаждая горло еще одним глотком «Коки». - Тайна раскрыта? Дело завершено?

- Ну уж нет! - воскликнула она, и старики рассмеялись. Глаза Стефании ярко блестели. - Возможно, выяснилась причина смерти, но... что это было? Ну, там, внутри... Или я опять заглядываю в конец истории?

- Ты не можешь заглянуть в конец истории, которой не существует, - возразил Винс, и его глаза блестели ничуть не меньше. - Гляди куда угодно, спрашивай, а мы с Дейвом постараемся ответить на твои вопросы.

И словно в доказательство сказанного, Дейв произнес:

- Это был кусочек мяса. Вероятно, бифштекса. самого лучшего, приготовленного из вырезки или филе. Средней прожарки. В свидетельстве о смерти было написано «смерть от удушья», хотя эксперты говорили, будто у парня из Колорадо обширная закупорка кровеносных сосудов - удар, другими словами. Кэткерт предположил, что удушье послужило причиной удара, но... Кто его знает, все могло быть и наоборот. Как видишь, даже о причине смерти трудно говорить с достаточной уверенностью.

- Во всяком случае, как минимум одна история тут имеется, и я собираюсь ее тебе рассказать, - продолжил Винс. - Она про человека, который во многом похож на тебя, хотя мне хотелось бы думать, что ты попадешь в более умелые руки, когда закончишь обучение. Ему было двадцать три - достаточно молод, как видишь - и он был приезжим, как и ты (пусть и с Юга, а не с Запада). Плюс ко всему, он тоже трудился над выпускной работой - правда, в области криминалистики.

- Значит, он работал вместе с доктором Кэткертом и выяснил что-то?

- Логично, - ухмыльнулся Винс. - Только ты ошиблась в определении того, под чьим началом работал... Как его звали, Дейв?

Дейв Боуи, чья память на имена была столь же остра, как и глаз Энни Уокли⁶, не сомневался ни секунды.

– Дивэйн. Пол Дивэйн.

– Да-да, как только ты сказал, я сразу вспомнил. Это паренек, Дивэйн, проходил трехмесячную послевузовскую практику по своей специальности, к нему даже были приставлены два детектива из полиции штата. Приставлены – это не то слово. Очень уж плохо они с ним обращались. – глаза Винса потемнели. – Взрослые люди, которые плохо обращаются с теми, кто младше их – когда те горят желанием перенять опыт, научиться чему-то... Я думаю, таких людей надо гнать с работы. Они же вместо пинка под зад обычно получают повышение. Этот паренек, Дивэйн, провел четыре года в каком-нибудь университете и усердно учился использовать науку, чтобы ловить отъявленных мерзавцев, а в итоге оказался между двумя любителями пончиков, которые посвящают его в свои дела не больше, чем троюродного дядю, воспитывают в нем бюрократа и пугают сценами автомобильных катастроф. О, возможно пару раз ему разрешали измерить чей-нибудь след или сделать фотографию отпечатков протектора – но это случалось редко. Крайне редко.

В любом случае, Стеффи, эти двое – надеюсь, уже отправившиеся к праотцам – оказались в Тиннок Виллидж в то самое время, когда парень из Колорадо появился на берегу Хэммок Бич. Они занимались бытовым пожаром «с подозрительными обстоятельствами», как мы пишем в таких случаях, и их постепенно теряющий свой идеализм мальчик на побегушках был с ними.

Если бы ему досталась парочка порядочных копов – несмотря на всю это бюрократическую возню, которая тормозит и без того не слишком-то поворотливую юридическую систему – или если бы департамент судебных исследований направил бы его в другой штат – он стал бы в конце концов одним из тех парней, что показывают по телевизору в «CSI: место преступления».

– Мне нравится этот сериал, – сказал Дейв. – Куда как лучше, чем «Она написала убийство». Кто хочет булочек? Тут где-то завалялась парочка.

Хотели все, и рассказ пришлось прервать, пока Дейв не сходил за ними. Когда он вернулся – вместе рулоном

⁶ Энни Уокли – легендарная женщина-стрелок, героиня многих вестернов, по мотивам ее жизни был снят фильм «Энни Уокли» (1935) и поставлен мюзикл «Энни, хватай ружье» (1986 г.), главную роль в котором играла Сюзи Кватро.

бумажных полотенец, чтобы ловить крошки – Винс попросил, чтобы Дейв продолжил за него. «Потому что скоро стемнеет, и никто из нас не хочет здесь ночевать».

– По-моему, у тебя неплохо получалось, – заметил Дейв. Винс шутливо схватил себя за ребра: «Стеффи, вызови скорую, мне плохо».

– Когда придется вызывать врачей по-настоящему, это уже не покажется тебе таким смешным, старикан, – укоризненно сказал Дейв.

– Вы только посмотрите, как он разбрасывает крошки. Это неучтиво, Дейв. Давай дожевывай и рассказывай. Дейв покончил с булочкой и допил колу. Стефани надеялась, что ее пищеварительная система к этому возрасту будет в таком же прекрасном состоянии, как у Дейва.

– Хорошо. Джордж решил обойтись без заградительной ленты, потому что на людей это действует так же, как коровья лепешка на мух. Но эти двое думали иначе. Когда я спросил, зачем все это, они посмотрели на меня как полного идиота. «Ну это же место преступления», – удивились они. «Может да, а может и нет, – ответил я. – Вдобавок ко всему, когда тело увезут, какие улики вы собираетесь тут сторожить? Вы думаете, ветер (к тому времени уже довольно сильный) вам что-нибудь оставит?» Но они настояли, и итогом стала неплохая фотография на первую полосу, верно, Винс?

– Точно. Снимки с желтой лентой, на которой различимы слова «место преступления», всегда повышают тираж, – согласился Винс, Стефани заметила, что половина его булочки исчезла – и никаких крошек в уголках губ или на бумажном полотенце.

– Дивэйн тоже был там – наблюдал за тем, как Кэткерт изучает тело: руку с песком, руку без песка, вспухшее горло. О нем вспомнили лишь когда на девятичасовом пароме прибыл катафалк «Похоронного дома», и эти двое внезапно поняли, что парень рискует чему-то научиться. Они не могли этого допустить, поэтому тотчас послали его за кофе, пончиками и коробкой датского печенья для себя, Кэткерта, его помощника и двух рабочих из «Похоронного дома».

Дивэйн понятия не имел, куда идти, и раз уж я все равно был по эту сторону натянутой ленты, я сам отвел его в «Булочную Дженни». Это заняло полчаса, может и больше. За это время я догадался, почему парня послали за

пончиками в тот самый момент, когда Кэткерт производил обследование.

Когда мы вернулись, обследование закончилось, а тело упаковано в черный мешок. Что, тем не менее, не помешало одному из детективов – здоровому парню по фамилии О'Шэнни выместить на Дивэйне свою злость: «Какого черта, почему так долго, я уже отморозил всю задницу», и так далее, и так далее.

Тот выдержал все это довольно стойко – не проронив ни слова, у него было хорошее воспитание, должен сказать – но я все равно не выдержал и сказал, что навряд ли кто-то мог сбегать за всей этой ерундой быстрее нас. «Надеюсь, вы не станете штрафовать нас за превышение скорости?» – поинтересовался я, надеясь вызвать хоть тень улыбки на этом лице. Не сработало: второй детектив, его звали Моррисон, сказал: «Тебе кто-то давал слово, Ирвинг? Ты же вроде как газетчик, верно?» Его напарник рассмеялся удачной шутке, и парень, присланный сюда для изучения криминалистики, вынужденный изучать вместо этого кофейные пристрастия провинциальных полицейских, покрылся пунцом. И я, Стеффи, почувствовал злость на этого мужчину, который даже тогда был младше меня, ублюдок, ни разу не получавший от своего руководства по шее, заставил Дивэйна смутиться – не только за себя, но и за меня тоже. Я видел, что он пытается извиниться, но прежде чем он вымолвил хоть слово (или прежде чем я сказал ему, что этого не требуется, что он не сделал ничего дурного), О'Шэнни взял поднос с кофе и выхватил у меня из рук два пакета со сдобой. Затем велел Дивэйну лезть за ограждение и взять пакет, в котором находились личные вещи мертвого парня. «Ты подписываешь опись. Следи, чтобы никто не оставил там отпечатков, – говорил он ему, словно обращаясь к пятилетнему ребенку. – И не вздумай совать туда свой нос, ясно?»

– Да, сэр, – ответил паренек и улыбнулся, глядя в мою сторону. Затем он принял из рук ассистента Кэткерта пакет, вытащил из прозрачного конверта опись и... Ты же знаешь, зачем она нужна, да, Стеффи?

– Думаю, да, – сказала она. – Так удостоверяется принадлежность вещей последнему их владельцу. Затем полиция штата устанавливает владельцев всех этих вещей, где и кем они были куплены. Полностью прослеживает жизненный цикл найденных улики.

- Здорово сказано, - заметил Винс. - Из тебя вышел бы неплохой писатель.

- Очень смешно.

- Так точно, мэм, таков уж наш Винсент, местный Оскар Уайльд, - сказал Дейв. - и просто старый брюзга. Я остановился на том, как мистер Дивэйн подписал опись и положил ее в пакет... Да, после этого Дивэйн повернулся посмотреть, как двое здоровяков из «Похоронного дома» грузят тело в катафалк. Винс как раз вернулся, чтобы по горячим следам написать что-нибудь интересное; я же отбивался от зевак, слетевшихся на манящий желтый цвет, уговаривал их подождать до выхода газеты, где обо всем будет подробно написано. И это был последний раз, когда я видел Пола Дивэйна, но, оказывается, он не подчинился приказу О'Шэнни и все же заглянул в пакет. Он позвонил мне шестнадцать месяцев спустя, к тому времени он уже не грезил криминалистикой и учился на адвоката. Хорошо это или плохо, но именно Пол Дивэйн идентифицировал нашего Джона Доу⁷ как парня из Колорадо, что позднее поможет полиции узнать его настоящее имя.

- У нас появилась зацепка, - сказал Винс. - По большей части, в этом заслуга Дэвида Боуи, который дал этому мальчишке то, что нельзя купить ни за какие деньги: внимание и уважение.

- Ну это уж слишком, - смутился Дейв. - Мы были вместе всего лишь полчаса, может, сорок пять минут, если добавить к этому ожидание в очереди.

- Иногда бывает достаточно и этого, - заметила Стефани.

- Да, иногда этого бывает вполне достаточно, - согласился Винс. - Сколько времени, по-твоему, нужно человеку, чтобы подавиться куском бифштекса и умереть, а?

Никто из них не ответил. Вдалеке, преисполненная собственной важности, гудела, подплывая к докам Тиннока, чья-то яхта.

9

- Оставим ненадолго Пола Дивэйна, - сказал Винс. - Дейв расскажет о нем - и остальном - за пару минут. Я же хочу рассказать тебе о вскрытии.

⁷ Джон Доу – нарицательное имя, используется в судебных процессах в США если имя подозреваемого, жертвы или иного фигуранта дела неизвестны.

- Да, - согласился Дейв. - Это не полноценная история, но если бы она ею была, следующая часть вполне могла идти дальше по списку в оглавлении.

- Кэткерт вовсе не бросился к секционному столу сию секунду. Точнее, он не бросился к нашему парню: начал судмедэксперт с двух людей, что нашли убитыми в том самом обгоревшем доме, который послал на наши головы О'Шэнни и Моррисона. Не потому, что они умерли раньше - просто здесь налицо был факт преступления, в то время как Джон Доу походил на типичную жертву несчастного случая. Когда до него дошла очередь, оба детектива уже вернулись в Огасту, и туда им и дорога.

Я присутствовал на этом вскрытии, потому что был единственным фотографом на всю округу. И еще им была нужна «сонная» фотография - это европейский термин, он обозначает фотографию достаточно презентабельного вида, чтобы ее можно было опубликовать. На снимках такого типа труп не должен отличаться от обычного человека, который лег подремать.

- Неужели и вправду получается? - Стефани выглядела одновременно потрясенной и заинтересованной.

- Нет, - ответил Винс. - Ну... Возможно, на ребенка это и подействует. Или если вы смотрите на фотографию не дольше секунды... притом одним глазом. В нашем случае Кэткерт попросил сделать снимок до вскрытия, возможно считал, что, учитывая обстоятельства, ему придется раздвинуть челюсти чересчур широко.

- Ну да, если бы его подбородок был стянут кожаным ремнем, его трудно было бы выдать за спящего, - сказала Стефани, слегка улыбнувшись. Ужасно, конечно, что такие вещи могут быть смешными, но ей и вправду было смешно. Какое-то жуткое создание выстраивало в ее мозгу мультипликационные картинки, одна забавней другой.

- Да уж, - улыбнулся Винс. И Дейв. Так что если она была больной, то уж точно, слава богу, не одинокой в своей болезни. - Единственное, на что будет походить такое фото - это на снимок мертвеца, страдающего зубной болью.

И они рассмеялись вместе. Стефани подумала, что любит этих хрычей, в самом деле любит.

- Над смертью нужно смеяться, - сказал Винс, отпивая «коки». - Особенно в моем возрасте. Я чувствую ее присутствие за каждой дверью, обоняю ее дыхание, когда выключаю свет и кладу голову на подушку в том месте,

где раньше покоилась головы моих жен – господи, благослови их обеих. Над смертью нужно смеяться. Как бы там ни было, Стеффи, я сделал свои снимки – свои «сонные фотографии» – и они получились точно такими, как ты и предполагала. На лучшем из них наш приятель был похож на дрыхнувшего пьянчугу – или на человека, лежащего в коме – и это был тот снимок, который мы поставили в номер неделю спустя. Снимок перепечатали в «Бангор Дейли Ньюс», в газетах Эллсуорта и Портленда. Кэткерт, тем временем, принялся за работу. Тупоголовые копы отправились назад в Огасту, так что он позволил мне побыть рядом, если я не буду печатать ничего лишнего. Я согласился и, конечно же, ничего лишнего не печатал.

Он сделал вертикальный разрез, и я увидел кусочек бифштекса, с которым уже был знаком Крис Робинсон.

– Вот вам и причина смерти, Винс, – сказал Кэткерт, и никакая обширная закупорка кровеносных сосудов (которую обнаружили значительно позже того, как я отправился ловить паром) не могла заставить его поменять свое мнение.

Если кратко, то... содержимое желудка номер один – кусок бифштекса, полуночная закуска, которая едва ли имела шанс хотя бы начать усваиваться организмом. Шесть или семь кусочков, тщательно пережеванных, Кэткерт сказал, что весило это все четыре унции. Содержимое желудка номер два – ужин нашего парня. Там было много всего, и я не хотел бы вдаваться в детали. Скажу лишь, что доктор Кэткерт нашел остатки рыбы, салата и картошки фри. Все это было съедено за шесть-семь часов до смерти.

– Я не Шерлок Холмс, док, – сказал я, – но сейчас могу показать один из его фирменных фокусов.

– Правда? – скептически ответил он.

– Ну да, – сказал я. – Я думаю, что он ужинал либо в «Керли» или «Ян Уорфсайд» здесь, либо в «Янко'с» на острове.

– Почему? В радиусе двадцати пяти миль пятьдесят ресторанов с рыбным меню, – возразил он. – Почему не «Серая Чайка», к примеру?

– Потому что в «Серой чайке» не подают чипсы к рыбе, – сказал я. – А здесь мы видим именно это.

В этот момент мне стало не по себе, хотя до этого я выдержал все анатомические тонкости вполне спокойно.

– А в тех ресторанчиках, что я назвал – подают. Я узнал этот уксусный запах, как только вы вскрыли желудок.

И я выбежал в ванную, где меня тотчас вывернуло наизнанку.

Я оказался прав. На следующий же день я напечатал фотографии и обошел с ними все эти забегаловки. В «Янко'с» парня не опознали, а вот девчонка из «Ян Уорфсайд» сразу узнала его. Она вспомнила, что он заказал стандартный рыбный набор и кока-колу – простую или диетическую, она не могла сказать наверняка. Было это в половине шестого вечера накануне того дня, когда его обнаружили. Мужчина взял заказ, подошел к своему столику и принялся есть все это, разглядывая водную гладь. Я спросил, не говорил ли он ей чего-нибудь, и она ответила, что нет, кроме стандартных «здравствуйте-спасибо-до свидания». Потом я поинтересовался, не заметила ли она, куда он направился после своей трапезы, и вновь она ответила отрицательно.

– Думаю, он пошел к докам, чтобы успеть на шестичасовой паром, – сказал Винс и посмотрел на Стефани. – Время, во всяком случае, совпадает.

– Да, я тоже так считаю, – согласился Дейв.

– Погодите, – сказала Стефани. – Стояла середина апреля, он был на побережье штата Мэн в середине апреля... и не носил верхней одежды? Ведь на нем не было даже пальто, вы так сказали? Когда он обедал в «Уорфсайд», на нем было пальто?

Старики улыбнулись ей, словно она только что решила сложное уравнение. Стефани, однако, понимала, что они дали ей все необходимое... это было их работой, в конце концов, даже на уровне скромного еженедельника – не решать загадки, а описывать их.

– Хороший вопрос, – сказал Винс.

– Отличный вопрос, – поправил его Дейв.

– Я опустил этот момент. Но раз уж это никакая не история, то в этом нет большого смысла, верно? Но если тебе нужны ответы – лавка закрыта, извините. Официантка не могла вспомнить, в пальто ли был ее посетитель или без него; остальные работники вообще не могли припомнить, чтобы видели кого-то похожего. И все равно, я считаю, что нам повезло. Если бы красавчик появился сюда в середине июля, в разгар сезона, когда тысячи

людей, мечтающих о рыбе, чипсах, рулетах из мяса лобстеров и мороженом на десерт, заполоняют места вроде этого, даже официантка бы не запомнила его – если бы он только не снял перед ней свое исподнее.

– И то навряд ли, – вставила Стефани.

– Это так. Но она все же запомнила. Я уже хотел уходить, понимая, что если я надавлю на нее слишком сильно, она может вспомнить то, чего не было... и тут она сказала: «кажется, я вспомнила, на нем была легкая зеленая куртка, мистер Тиг, но я могу и ошибаться». Она и в самом деле могла ошибаться, но мне почему-то кажется, что все так и было. Парень и в самом деле носил куртку.

– Тогда где она? – спросила Стефани. – Ее вообще нашли?

– Нет, – ответил Дейв, – Так что никакой куртки могло и не быть. Хотя мысль о том, что он делал ночью на побережье без подобной вещицы, выходит за границы моего воображения.

Стефани повернулась к Винсу, почувствовав вдруг необходимость задать тысячу неотложных, но еще не сформулированных вопросов.

– Чему ты улыбаешься, дорогая?

– Не знаю, – ответила она. – Хотя нет, знаю. У меня в голове чертова уйма вопросов, и я не знаю, с чего начать.

Мужчины рассмеялись.

– Да уж, Стефф, ты не перестаешь нас удивлять, – воскликнул Дейв, утирая глаза платком.

– Ну ладно, хватит, – ответила она. – Что насчет отпечатков пальцев? Записей дантистов? Думаю, когда дело доходит до опознания трупов, эти методы всегда были самыми надежными.

– Возможно, – сказал Винс. – Но это было в восьмидесятом, не забывай, до начала компьютерной эры и задолго до появления доступного Интернета, этой палочки-выручалочки всех нерадивых студентов. В восьмидесятом можно было сравнить отпечатки пальцев и записи зубного врача неопознанного человека с отпечатками и записями того, кто, по вашему мнению, мог им быть... но проводить проверку по всей картотеке? Да еще учитывая перечень всех пропавших лиц за последние годы... Это может занять десятки месяцев. Даже если сократить список до тридцати-сорокалетних, это просто невозможно.

- Но я думала, военные в то время использовали компьютеры повсюду...
- Вовсе не обязательно, - прервал ее Винс. - А даже если и так, навряд ли отпечатки нашего друга могли каким-то образом к ним попасть.
- В любом случае, по этим данным опознать его не удалось, - сказал Дейв.
- И все-таки это произошло?
- ...что возвращает нас к Полу Дивэйну. И мне это нравится, потому что, как я уже говорил, в его случае мы имеем полноценную историю, а истории - моя профессия. Мой жизненный ритм, как мы любили говорить тогда. Пол Дивэйн слегка напоминает мне персонажа книг Горацио Альгера⁸. Трудиться и быть успешным. Играть и выигрывать.
- Ходить в туалет и писать уксусом, - вставил Дейв.
- Если тебе так нравится, - спокойно парировал Винс. - Итак, Дивэйн избавился от этих двух мерзавцев; Кэткерт произвел вскрытие и установил причину смерти - асфикция вследствие удушья или что-то вроде этого; моя художественная фотография появилась во всех газетах. И после всего никто так и не позвонил, никто не опознал в нашем Джоне Доу своего отца, дядю или брата. «Похоронный дом» хранил тело в холодильнике шесть дней - это не закон, Стеффи, но, как и многие подобные вещи, довольно распространенный обычай. Каждый, кто связан с похоронным делом, подтвердит, что это так, даже если не сможет объяснить, почему. Когда же по истечении положенного срока никто не объявился, за дело взялся Эйб Карви. Он забальзамировал труп и отправил его в частный склеп похоронного дома на кладбище Сивью.
- Звучит довольно жутко, - сказала Стефани. Она вдруг четко увидела это: тело, покрытое простыней и по каким-то причинам лежащее не в гробу (на самом деле, его наверняка должны были удостоить хотя бы дешевого картонного ящика), а прямо на камнях. Невостребованная посылка в почтовом отделении смерти.
- Да, это так. Хочешь, чтобы я продолжал?
- Если вы остановитесь сейчас, я вас убью.
- Винс удовлетворенно кивнул.

⁸ Горацио Альгер (Horatio Alger, 1832 - 1899) - популярный американский писатель девятнадцатого столетия, опубликовавший более сотни книг на одну тему: честный, бескорыстный, самозабвенный и искренний труд всегда ведет к успеху. Автор сверхпопулярной концепции «успешного американского человека» - человека, который всего добился сам, не чураясь тяжелой работы.

- Все лето и до середины осени он пробыл там. Когда пришел ноябрь, а тело по-прежнему числилось неопознанным, они решили, что вправе похоронить его. Чтобы успеть до того момента, когда земля станет твердой, как камень. Ну ты понимаешь.

- Понимаю, - тихо повторила Стефани. Девушка не чувствовала телепатии между стариками, но она наверняка была, потому что Дейв без спроса взял нить повествования в свои руки.

- Дивэйн закончил свою кошмарную практику, возможно, даже подарил этим мерзавцам по галстуку, когда срок «обучения» подошел к концу. Он решил завязать с бумажной работой и поступил на курсы права, кажется, я уже говорил об этом. Наверное, тут ему и стоит покинуть историю (за исключением пары моментов) - которая, в общем-то, и не является никакой историей, как заметил Винс. Разве что частично. Первый момент состоит в том, что Пол все-таки улучил момент и заглянул в злосчастный пакет с личными вещами Джона Доу. Второй - однажды, когда у Дивэйна был серьезный роман с девушкой, та пригласила его к себе домой, чтобы он смог познакомиться с ее родителями, как, наверное, поступают все девушки, когда роман становится серьезным. Ее отец имел одну вредную привычку, тогда куда как более распространенную, чем сейчас - он курил.

Разум Стефани, ясный и цепкий (и оба старика знали это), сразу же выдал ей серию картинок: опрокидывающееся тело; пачка сигарет, выпавшая из кармана Джона Доу; Джонни Грэвлин, нынешний мэр острова, поднимающий ее с песка и возвращающий на место. И затем - еще что-то. Она подпрыгнула, словно ее ужалила оса. Ногой она задела стакан с «кокой», тот опрокинулся и ручеек напитка побежал вниз, к гальке и островкам сорняков. Мужчины не обращали на это внимания, взирая на Стефани с интересом и восхищением.

- Акцизная марка! - почти закричала она. - На крышке каждой пачки есть акцизная марка штата, в котором она была приобретена!

И мужчины начали аплодировать - негромко, но искренне.

10

- Позволь рассказать тебе, Стеффи, что увидел мистер Дивэйн, когда нарушил запрет своего наставника, -

сказал Дейв. – И я почти уверен, что он сделал это с целью насолить двум остолопам, а отнюдь не в силу собственной заинтересованности в скудном содержимом пакета. Во-первых, обручальное кольцо – простое золотое колечко, без слов и гравировки, на нем даже даты не было.

– Они забрали его се... – Она увидела, как они смотрят на нее, и поняла, что предположение было глупым. Если бы мужчина был опознан, кольцо вернули бы родственникам, вместе с остальными вещами. Если бы они захотели, Джона Доу похоронили бы с этим кольцом... но до тех пор это была улика. – Простите. Нет, конечно. Но один вывод сделать можно – существовала и миссис Доу. Верно?

– Да, – тяжело ответил Винс. – И мы разыскали ее. Со временем.

– И почти наверняка были малытки Доу? – Стефани подумала, что парень был как раз подходящего возраста для подобных подвигов.

– Давай поговорим об этом позже, хорошо? – остановил ее Дейв.

– О, прошу прощения, – смутилась она.

– Тебе не за что просить прощения, – сказал Дейв. – Просто не стоит забегать слишком далеко. Итак, в пакете было обручальное кольцо, семнадцать долларов в банкнотах – десятка, пятерка и две по баксу – и немного мелочи. Одна монета, как сказал Дивэйн, была не американской. Он сказал, что заметил русские слова, выбитые на ней.

– Русские? – удивилась Стефани.

– Это называется кириллицей, – пробормотал Винс.

– Еще там был освежитель дыхания и пачка жевательной резинки – почти полная, не хватало одной пластинки. Коробок спичек с рекламой, призывающей коллекционировать марки; ты наверняка видела такие, их раздают сейчас в любом крупном супермаркете. Дивэйн сказал, что разглядел сбоку ярко-розовую полосу, оставшуюся от зажженной спички. Ну и эта пачка, тоже под завязку – там не было всего одной или двух сигарет. Дивэйн считал, что одной, объясняя это одной полоской на спичечном коробке. Это все.

– Бумажника не было.

– Нет, мэм.

– И никаких документов и идентификационных карточек.

- Нет.

- Никто не выдвинул теорию, что кто-то украл последний кусок бифштекса мистера Доу, захватив по случаю и бумажник? – сказала Стефани, едва сумев подавить смехок.

- Стеффи, мы рассматривали эту теорию и множество других, – ответил Винс. – Включая возможность того, что парня выбросила на Хэммок Бич летающая тарелка из истории о Береговых Огнях.

- Шестнадцать месяцев спустя, – продолжил Дейв. – Пол Дивэйн был приглашен на уик-энд в дом своей подружки. Мне кажется, что Джон Доу, Хэммок Бич и весь Лосиный остров в целом были последним, о чем он думал в тот момент. Он рассказал, что вечером они с девушкой собрались прогуляться – в кино или еще куда-то. Родители остались дома, на кухне, домывали остатки посуды. Пол предложил свою помощь, но тут же с возмущением был отправлен в комнату. И вот он сидел там, смотрел какую-то дрянь по телевизору, и совершенно случайно бросил взгляд на кресло папы-медведя... И там, на журнальном столике папы-медведя, рядом с телегидом папы-медведя, он увидел папины сигареты.

Дейв сделал паузу, улыбнулся и пожал плечами.

- Забавно, как складываются цепочки событий, Стеффи. Еще забавней то, как они рушатся. Если бы та пачка лежала по другому, наружной, например, стороной, а не оборотной, Джон Доу так и остался бы Джоном Доу, и не превратился бы сначала в парня из Колорадо, а затем – в мистера Джеймса Когана, жителя городка Нидерлэнд, что к западу от Боулдера. Но пачка лежала оборотной стороной, и Пол увидел марку. Акцизную марку, похожую на почтовую, которая вернула его в то морозное утро на Хэммок Бич.

Видишь ли, один из старых знакомых Пола – не помню, Моррисон это был или О'Шэнни – тоже был курящим, так что в число других повседневных забот Дивэйна входила ежедневная покупка сигарет «Кэмел». Он вспомнил, что акцизные штампы на этих сигаретах отличались от того, что он увидел в пакете с личными вещами Джона Доу. Штампы штата Мэн на пачках «Кэмела» были чернильными – вроде тех печатей, которые ставят на руку в некоторых дискотеках. Это открытие не из тех, когда прыгают до потолка и кричат «Эврика!», но Пол возвращался к этим сигаретам весь уик-энд, воспоминания беспокоили его. Прежде всего потому, что Дивэйну казалось, будто на той

пачке просто обязан был стоять штамп Мэна, вне зависимости от того, откуда приехал этот парень.

- Почему?

- Потому что не хватало всего одной сигареты. Что это за курильщик, если он за шесть часов выкурил всего одну сигарету?

- Может, он курил изредка?

- Если человек, имея под рукой полную пачку, в течение шести часов выкуривает лишь одну сигарету, он некурящий, - мягко сказал Винс. - Дивэйн видел язык парня. Я тоже видел, когда стоял на коленях и подсвечивал Крису Робинсону. Он был розовый, абсолютно розовый, у курильщиков не бывает таких языков.

- И спичечный коробок, - задумчиво произнесла Стефани, - с одной полоской.

Винс Тиг, улыбаясь кивнул.

- Да, с одной.

- И никакой зажигалки.

- Никакой, - хором сказали старики и рассмеялись.

11

- Дивэйн подождал до понедельника. Мысли о сигаретной пачке не оставляли его - даже спустя год после тех событий на пляже - и он позвонил мне и рассказал обо всем. Он сказал, что возможно - только возможно - пачка сигарет, которую нашли у Джона Доу, не была приобретена в штате Мэн. И если так, то по акцизной марке можно будет определить, где именно это случилось. Он также выразил сомнение в том, что парень вообще курил, но в любом случае марка должна была стать подсказкой. Я согласился с его мыслями, но выразил удивление, что Пол позвонил именно мне. Он ответил, что больше не мог никого припомнить - из тех, кому все это еще может быть интересно. Тут он был прав, мне - и Винсу, конечно - было все еще интересно. Был он прав и в отношении марки. Сам я не курю. Возможно, именно это помогло мне так хорошо сохраниться к шестидесяти пяти годам...

Винс хмыкнул, махнув рукой, Дейв, ни капли не смущаясь, продолжил.

- Так что я спустился вниз по улице до «Бэйсайд Ньюс» и попросил показать мне любую пачку сигарет. И в самом деле, на ней стоял чернильный штамп. Тогда я позвонил в офис министерства юстиции и поговорил с парнем по фамилии Мюррей, который работал в отделе вещественных

доказательств. Я был очень осторожен, максимально вежлив, Стефф, так как понимал, что те двое могут все еще работать там...

- И за то, что они проглядели важную улику - улику, которая могла бы сузить поиск до размеров одного штата - им могли хорошенько всыпать, верно? - спросила Стефани.

- Да уж. И они не могли ни в чем обвинить стажера, поскольку сами велели ему держаться от пакета подальше, - согласился Винс. - Плюс к тому времени он...

- ...был вне их досягаемости, - закончила Стеф.

- Именно. Но не думаю, что они получили бы большой нагоняй. Ведь тогда основным их заданием было расследование предумышленного убийства - пожар, помнишь? - а Джон Доу казался лишь жертвой несчастного случая.

- Какие они все же...

- Тупые? Да, так и есть, и не смущайся, ты среди друзей. В любом случае, «Айлендер» не собирался причинять детективам никакого вреда. Я объяснил это Мюррею, объяснил также и то, что речь не идет о каком-то преступлении. Все, чего я хотел - узнать, кем был этот несчастный, потому что где-то наверняка жили люди, желающие узнать, что же с ним произошло. Мюррей сказал, что перезвонит позже и сообщит мне все, что ему удастся узнать, чего я, в принципе, и ожидал... Но у меня выдался плохой день, и я решил обдумать запасные варианты. Я мог попросить Робинсона позвонить в Огасту, черт возьми, я даже мог попросить Кэткерта сделать этот звонок, но я не хотел заходить так далеко. Возможно, это прозвучит банально, но я действительно верю в то, что в девяти из десяти случаев честность является лучшей политикой. Чего я боялся, так это что наш случай окажется тем самым десятым.

В конце концов, запасной вариант не потребовался. Я уже собирался идти домой, решив, что Мюррей не позвонит, когда раздался звонок. Так всегда бывает, верно?

- Если постоянно следить за чайником, он никогда не закипит, - заметил Винс.

- Господи, это мудрость? Кто-нибудь, дайте мне блокнот и карандаш, я должен это записать, - Дейв широко улыбнулся, и улыбка не просто сбросила пару лет, она отправила их в глубокий нокаут, превратив старика в мальчишку. Затем его лицо снова стало серьезным, и мальчишка растворился в воздухе.

- В больших городах улики постоянно исчезают, мы все это знаем, но Огаста не такой уж большой город, пусть и являющийся столицей штата. Сержант Мюррей нашел пакет с личными вещами и подписью Пола Дивэйна на описи вложения, не испытывая никаких трудностей. Он сказал, что на все потратил десять минут. Все остальное время он выбивал из кого-то разрешение – что бы он мог мне сообщить о содержимом пакета, представляете? Это оказалась пачка «Винстон», и память Пола Дивэйна не подвела. На пачке была приклеена акцизная марка, маленькие темные буквы которой складывались в слово «Колорадо». Мюррей рассказал об этом начальству, и начальство просило передать нам, что оно будет признательно, если мы поможем в опознании парня из Колорадо еще чем-либо. Сержант так и сказал, так что автором звучного определения можно считать именно Мюррея. Да, и еще он попросил нас, чтобы мы упомянули о дружелюбности полицейского отдела, если захотим вдруг написать о парне какую-нибудь статью. Не скрою, мне было приятно это слышать.

Стефании наклонилась вперед – вся внимание, полностью поглощенная рассказом.

- Ну, и что была дальше? Что вы сделали потом?

Дейв уже открыл рот, но Винс жестом остановил его.

- А как ты считаешь? Что мы сделали?

- Опять за парту, да?

- За нее.

Стефани по выражению глаз и плотно сжатым губам Винса поняла, что тот говорит совершенно серьезно, и задумалась, прежде чем ответить.

- Вы сделали копии «сонных» фотографий...

- Да, все верно.

- А потом... ммм... вы их разослали, да? По всем газетам Колорадо.

Винс улыбнулся.

- Молодчина. Да, так все и было. Семьдесят восемь газет, мисс МакКанн. Я удивился, как мало нам пришлось потратиться на эту авантюру – даже учитывая цены 1981 года. За все копии, за все почтовые расходы мы отдали всего сто долларов.

- И списали их на производственные расходы, – заметил Винс, который вел бухгалтерию еженедельника.

- Каждый пенни, как и положено.

- И сколько из них напечатали ваше сообщение?

- Все до единого! - воскликнул Винс и шлепнул себя по бедру. - Даже «Денвер Пост» и «Роки Маунтин Ньюс». Потому что была одна специфическая деталь, Стеффи.

Она кивнула, соглашаясь.

- Неизвестный житель штата Колорадо погибает на каком-то острове в двух тысячах миль от родных мест! Никакого упоминания о кусочке бифштекса, застрявшем в горле, никакого упоминания о черт-знает-куда пропавшем пальто (которого могло и не быть), никакого упоминания о русской монете... Просто парень из Колорадо, и все. Необъяснимая загадка. Конечно, они все напечатали это, включая бесплатные газетки, на три четверти состоявшие из рекламных купонов.

И вот, двумя днями позже того, как одна из газет Боулдера опубликовала свою заметку - а было это в октябре 1981 года - мне позвонила женщина по имени Арла Коган. Она жила в Нидерлэнде, горном городке вблизи Боулдера, и ее муж пропал в апреле прошлого года, бросив одну с шестимесячным ребенком. Она сказала, его звали Джеймс, и хотя она понятия не имела, какие дела могли возникнуть у него на побережье штата Мэн, человек на фотографии сильно походил на ее мужа. Очень сильно. Думаю, она знала, что никакое это не совпадение, потому что секунду спустя начала рыдать.

12

Стефани попросила Дейва повторить имя миссис Коган - из-за акцента она услышала только набор бессвязных звуков.

Он повторил.

- Никаких отпечатков пальцев она дать мне не могла. Конечно, не могла, бедняжка... зато она могла назвать мне дантиста, который работал с Джеймсом, и...

- Подождите-подождите, - сказала Стефани. - Этот человек, Коган, чем он занимался?

- Он был художником в одном из рекламных агентств Денвера, - сказал Винс. - Хорошим художником. Я видел некоторые из его работ. Конечно, он никогда бы не стал знаменитостью, но если вам была нужна хорошая иллюстрация к рекламной брошюре - из тех, где девушки воздевают над головой рулон туалетной бумаги, словно они выиграли невиданный приз - Коган был парнем что

надо. Он бывал в Денвере два раза в неделю, по вторникам и средам, остальное время работал дома.

Стефании переключила свое внимание на Дейва.

- И дантист имел разговор с Кэткертом, так?

- Опять торопишься, Стефф. У Кэткерта не было специального оборудования для рентгеновских снимков, да он и не видел в этом причины. В любом случае, аппарат находился только в окружной больнице, куда труп, конечно же, не возили. Зато Кэткерт усердно переписал все пломбы. Плюс две коронки. Все совпало. Тогда он направил копию отпечатков пальцев нашего парня в полицейский участок Нидерлэнда. Местные полицейские вызвали эксперта из полицейского департамента Денвера и отправились домой к Когану, чтобы найти отпечатки Джеймса и сравнить с присланными. На что миссис Коган сказала, что они вряд ли найдут что-либо, так как она вычистила дом до последнего дюйма, когда смирилась с тем, что Джеймс не придет – либо он бросил ее, что было маловероятно, или с ним стряслось что-то ужасное, к чему Арла склонялась больше всего.

Эксперт ответил, что если Коган проводил «продолжительное время» в какой-либо из комнат, отпечатки должны сохраниться.

Дейв сделал паузу, вздохнул, провел рукой по старому креслу.

- Вот так мы узнали, кем был наш Джон Доу. Джеймс Коган, сорока двух лет, житель Нидерлэнда, штат Колорадо, муж Арлы Коган, отец Майкла Когана – которому был шесть месяцев, когда Джеймс пропал, и исполнилось два года к моменту опознания.

Винс встал.

- Может, зайдём внутрь? Здесь становится прохладно.

13

Они вернулись в маленькую комнатку, за старый неиспользуемый офсетный пресс (с две тысячи второго года газета печаталась в Эллсуорте). Стефании поставила кофе, полагая, что если история-которая-на-самом-деле-не-история растянется еще на час, кружке крепкого напитка она будет только рада. Когда они уселись, Дейв вдохнул аромат, доносящийся с небольшой кухоньки, и одобрительно кивнул.

- Мне нравятся женщины, не считающие кухню атрибутом рабства. В конце концов, мы все живем за счет еды.

- То же самое касается и мужчин, - ответила Стефании, и мужчины закивали, улыбаясь. Она снова «хорошо сказала» - второй раз за вечер, это рекорд. - Вот что мне кажется атрибутом рабства.

И она кивком головы указала на пресс.

- Выглядит жутковато, - сказал Винс. - а раньше выглядел еще хуже. Легко мог оторвать тебе руку, если ты не был достаточно внимателен, и постоянно пытался зацепиться за что-нибудь, даже если был. Так на чем мы остановились?

- На женщине, которая неожиданно для себя стала вдовой, - ответила Стефани. - Думаю, она решила приехать за телом?

- Да, - ответил Дейв.

- И кто-то из вас встретил ее в аэропорту Бангора?

- А ты как думаешь, дорогая?

Над этим вопрос Стефани размышляла недолго. К октябрю восемьдесят первого парень из Колорадо нисколько не заботил местных властей. Он был для них всего лишь жертвой удушья, не больше, еще одним неопознанным трупом.

- Думаю, встретил. Вы двое были единственными во всем штате Мэн, кто переживал за нее.

Эта мысль заставила ее взглянуть на вещи по-другому. Она вдруг поняла, что Арла Коган была человеком из плоти и крови, а не персонажем романов Агаты Кристи или очередного эпизода «Она написала убийство».

- Это был я, - мягко сказал Винс, опустился на стул и устался на свои ладони, сложенные лодочкой чуть ниже колен. - Хотя я не ожидал увидеть ее такой. В голове у меня сложилась определенная картинка, основанная на ложной идее. Я проработал в газетном бизнесе шестьдесят пять лет - моему соучастнику сейчас столько же - и за это время я насмотрелся на мертвецов, уж поверь. Большая их часть моментально вышибает всю романтическую дурь из головы. Трупы - это ужасно, и зачастую мало что в них напоминает людей. И все же к парню из Колорадо это не относилось, он-то как раз и выглядел так, словно сошел с мрачных страниц Эдгара По. Я сделал снимок до вскрытия, не забывайте - и если вы задержите взгляд на пару секунд, вам сразу станет ясно, что на фото мертвый человек - но было в нем что-то... привлекательное. В

его пепельного цвета щеках, бледных губах, легком прикосновении лаванды на веках.

– Бррр, – поежилась Стефани, но перед ее глазами и вправду встали строчки из стихотворения По. Того, где он скорбит о Ленор⁹.

– Да уж, это любовь, – сказал Дейв и поднялся, чтобы разлить кофе.

14

Винс Тиг, довольно уныло улыбнувшись, продолжил.

– Я лишь хочу сказать, что ожидал увидеть бледную темноволосую красавицу. Вместо этого передо мной появилась пухлая женщина с рыжими волосами и россыпью веснушек на лице. Я не на секунду не сомневался в ее скорби и искренности, однако мне показалось, что она не из тех, кто скорбит слишком долго. Какие-то родственники из Омахи – или из Де Муа, или еще откуда-то – остались с сыном на время этой поездки, и я никогда не забуду, какой одинокой и потерянной выглядела она, спускаясь по трапу и прижимая сумочку к груди. Она, конечно, была не тем человеком, которого я ожидал увидеть, нисколько не похожа на Ленор...

Стефани подпрыгнула на месте. Возможно, теперь телепатия работает в трех направлениях?

– ...но я сразу понял, что это она. Я подошел к ней, и она спросила: «мистер Тиг?» Когда я ответил «да», она обняла меня, поблагодарив за организованную встречу. «До сих пор не могу поверить, что это он, – сказала Арла. – Но как только фотография попала мне на глаза, я сразу все поняла».

Дорога сюда заняла немало времени – тебе ли не знать об этом, Стеффи – и у нас было достаточно времени для разговора. Первое, о чем она спросила меня, была причина, по которой ее муж оказался на побережье. Я сказал, что не знаю этого. Затем она спросила меня, не останавливался ли он в каком-нибудь мотеле в ночь на

⁹ Имеется ввиду стихотворение Эдгара Алана По «Ленор», представляющее собой, по сути, черновой набросок «Ворона». Цитата в переводе Владимира Бойко:

Увы, разбит сосуд златой! дух отлетел навеки!
Померк весь мир, в гробу кумир, любимая Ленор!
Пускай вершат над ней обряд – поют за упокой! –
О самой царственной скорбят – о юности такой –
Вдвойне умершей гимн творят – умершей молодой.

четверг, – он сделал паузу и взглянул на Дейва. – Я прав? Была среда?

– Да, – Дейв кивнул. – Она говорила о среде, потому что Джонни и Нэнси нашли тело утром в четверг. Двадцать четвертого апреля 1980 года.

– Ничего себе, – выдохнула Стефани.

– Такие штуки просто застревают в моих мозгах, – пожал плечами Дейв. – А потом я забываю купить буханку хлеба, и мне приходится тащиться за ней в магазин под дождем. Стефани повернулась к Винсу.

– Конечно же, парень не регистрировался в мотеле, – сказала она. – Иначе он не оставался бы Джоном Доу так долго.

Он начал кивать еще до того, как она закончила фразу.

– Мы провели три или четыре недели в поисках такого мотеля. Задача не из легких, скажу я тебе – в разгар сезона здесь работают четыре сотни гостиниц, мотелей, ночлежек, частных комнат и прочих заведений подобного типа. К счастью, семьдесят процентов из них закрыты со Дня Благодарения по Дню Поминовения... Но, уверен, в каждом из тех, что остались, видели эту фотографию.

– И ничего?

– Ничего.

– И как на это отреагировала миссис Коган?

– Никак, – ответил Винс. – Всплакнула слегка.

– Еще бы, – вставил Дейв. – Бедняжка.

– И что вы сделали потом? – Стефани по прежнему не отводила глаз от Винса.

– Свою работу, – без колебаний ответил он.

– Потому что ваша работа – знать.

Винс поднял брови.

– Ты так считаешь?

– Да, – ответила она и вопросительно посмотрела на Дейва.

– Думаю, она сделала тебя, партнер.

– Ну... Вопрос в том, согласна ли ты на такую же? – улыбнулся Винс. – Впрочем, думаю, согласна.

– Конечно, – беззаботно ответила она. Она поняла это пару недель назад, хотя если бы кто-то сказал ей, что она решится осесть в такой дыре, она рассмеялась бы ему в лицо. Сейчас та Стефани МакКанн казалась ей чужим человеком. – Что она вам рассказала? Она знала что-то?

– Да, но это лишь сделало странную ситуацию только более странной.

- Расскажите.

- Хорошо. Но учти, на этом нить повествования обрывается.

Стефани упрямо повторила:

- Расскажите мне все равно.

15

- Утром двадцать третьего апреля 1980 года – как и в любую другую среду – Джим Коган отправился на работу в «Маунтин Аутлук Эдвертайзинг» в Денвер, – начал Винс. – Так она сказала. С собой у него было портфолио с рисунками для «Шевроле», крупной автомобильной компании, разместившей в «Маунтин» огромный заказ. Джим был одним из четырех художников, вот уже три года сотрудничающих с «Шевроле». Компании нравилось работать с Джимом, а Джиму нравилось работать с компанией – так мне сказала Арла. Она сказала мне, что Джим специализировался на женщинах типа «срань господня», а когда я спросил ее, что это за женщины, она улыбнулась. Это были милостивые дамочки с широко распахнутыми глазами и открытым ртом, с ладонями, в жесте неимоверного удивления прижатыми к щекам. Такой рисунок словно бы говорил: «Срань господня, вот так тачку я отхватила!»

Стефани рассмеялась – ей были хорошо знакомы такие рекламные рисунки.

- Арла сама была артисткой, – кивнул Винс. – Только разговорного жанра. Она так живо все это описала – скромный человек, без ума от жены, детей и работы...

- Любящий глаз иногда не замечает того, что не хочет видеть, – заметила Стефани.

- По-моему, ты слишком цинична для твоего возраста, – удивленно ответил Дейв.

- Зато точно уловила суть, – возразил Винс. – Разве что срок в шестнадцать месяцев вполне достаточен, чтобы разбились любые розовые очки. Если что-то и было – проблемы на работе, интрижка на стороне – Арла узнала бы об этом, если только Джим не был чертовски, чертовски осторожен. Потому что за эти шестнадцать месяцев она встретилась с каждым, кто имел хоть какое-то отношение к ее мужу, с большинством из них – дважды, и все, что она слышала – «скромный человек, без ума от жены, детей и работы»... «Он бы никогда не бросил

Майкла, – говорила она мне, – я уверена в этом, мистер Тиг. Знаю об этом». И я ей поверил.

Винс пожал плечами.

– Может, ему надоела работа? – спросила Стефани. – И он решил просто уехать?

– Она отрицала это. Говорила, что ему нравилось работать там, в горах, он даже повесил на входную дверь табличку «Берлога Эрнандо». Она разговаривала с коллегой Джима, человеком, который работал вместе с ним над заказом «Шевроле». Как его звали, Дейв?..

– Джордж Ранкин или Джордж Франклин, – откликнулся Дейв.
– Не могу вспомнить, вылетело из головы.

– Не принимай близко к сердцу. Даже Уилли Мэйс¹⁰ иногда ронял мяч, особенно в последних матчах.

Дейв прикусил язык.

Винс кивнул, словно именно этого от своего коллеги и ожидал, и продолжил.

– Художник Джордж Ранкин или Франклин сказал Арле, что Джим достиг пределов своего мастерства, и что он был из тех редких людей, которые ничуть не расстраиваются по этому поводу... даже получают удовольствие. Джордж сказал, что высшей мечтой Джима была возглавить художественный отдел «Маунтин Аутлук». Не думаю, что человек с такими целями сорвется в один момент и умчится к черту на кулички, бросив жену с ребенком.

– Но поначалу она решила, что так и случилось, верно?

Винс поставил кофе на стол и взъерошил свое редкие седые волосы, отчего тотчас же стал похож на сумасшедшего.

– Арла Коган, как и все мы, жертва обстоятельств.

Он сделал паузу.

– Джеймс Коган вышел из дома без пятнадцати семь утра до Денвера ему нужно было добраться по Боулдеровской магистрали. Его единственный багаж – портфолио, о котором я говорил. На нем был серый костюм, белая рубашка, красный галстук и серое же пальто. Ах да, еще черные туфли.

– И никакой зеленой куртки?

– Никакой зеленой куртки, – подтвердил Дейв. – Но серые брюки, белая рубашка и туфли определенно те же самые.

– Его пальто...

¹⁰ Уилли Мэйс (род. в 1931 г.) – до 1973 г. игрок национальной бейсбольной лиги США, двенадцать лет подряд получал награду «Золотая перчатка», в 1979 г. его имя занесено в Зал Славы бейсбола.

– ...так и не нашли. Как и галстук. Хотя в девяти случаях из десяти, если человек снимает галстук, он кладет его в карман... в нашем случае – в карман пальто. Готов биться о заклад, что если бы пальто нашли, галстук оказался бы там.

– Он появился в офисе без пятнадцати девять, – продолжил Винс. – и принялся рисовать рекламку для «Супового короля».

– Для чего?

– Это сеть супермаркетов, дорогая, – пояснил Дейв.

– Около 10.15 художник Джордж – Ранкин или Франклин – заметил, что наш парень направляется в сторону лифта. Коган объяснил, что собирается пропустить чашечку «настоящего кофе» в «Старбакс»¹¹ за углом и взять яичный салат с сэндвичем на ланч в соседней лавке. Он спросил Джорджа, не хочет ли тот чего-нибудь.

– И все это вам рассказала Арла?

– Да, пока я вез ее к Кэткертю. Она должна была взглянуть на фото, дать формальное согласие – да, это Джим Коган, мой муж – и подписать ордер на вскрытие. Доктор ждал нас.

– Ясно. Извините, что прервала. Продолжайте.

– Не стоит извиняться за вопросы, Стефани. Вопросы – хлеб репортера. В любом случае, Джордж...

– Ранкин или Франклин, – услужливо подсказал Дейв.

– Да, он самый – сказал Джеймсу, что, пожалуй, откажется от кофе. Однако до лифта им было по пути, и поэтому они успели перекинуться парой слов о вечеринке, которую собирали в честь отправки на пенсию парня по фамилии Хэйверти, одного из основателей агентства. Она была запланирована на середину мая, и Джордж сказал Арле, что ее муж с нетерпением ожидал этого мероприятия. Они обсудили подарок для Хейверти, пока поднимался лифт, затем Джеймс зашел в кабину и сказал, что им, возможно, следует посоветоваться с кем-нибудь еще – желательно, женщиной – на этот счет. Джордж согласился. Джеймс махнул рукой, двери лифта закрылись, и больше парня из Колорадо в самом Колорадо никто не видел.

– Художник Джордж, – задумчиво произнесла Стефани. – Как вы думаете, если бы он сказал: «Подожди секундочку, сейчас я накину пальто и мы спустимся вместе» – это все произошло бы?

¹¹ Самый серьезный ляп Кинга во всей книге. В то время в США еще не существовало кофейной сети «Старбакс».

- Сложно сказать, - ответил Винс.
- А пальто? Было ли на нем пальто, когда он садился в лифт?
- Арла спрашивала, но Джордж не мог вспомнить. Максимум, что из него удалось выжать - «вроде бы нет». Возможно, он был прав. В конце концов, и «Старбакс», и бутербродная находились совсем рядом.
- Еще она сказала, что внизу всегда сидел администратор. Однако, администратор заявила, что ненадолго отлучалась и никакого мужчины, похожего на Когана, выходящим из лифта не видела. Ну в каком детективном романе может такое случиться?
- Но Стефани думала о другом. Она вытянула руку вперед, посмотрела на нее и тихо проговорила:
- Художник Джордж попрощался с Коганом - парнем из Колорадо - в десять пятнадцать. В десять двадцать, учитывая то время, пока поднимался лифт.
- Так, - сказал Винс. Они оба очень внимательно смотрели на нее.
- Стефани протянула вперед вторую руку, параллельно первой.
- А официантка в «Ян Уорфсайд» говорит, будто он сделал у нее заказ в половине шестого вечером того же дня.
- Так.
- Какая разница в часовых поясах между Мэном и Колорадо? Час? Два?
- Два, - ответил Дейв.
- Два, - повторила она. - Два. Это значит, что когда художник Джордж попрощался с Коганом, в Мэйне уже перевалило за полдень.
- Да, если полагаться на время. И у нас нет другого выбора, верно? - сказал Дейв.
- Как такое может быть? - удивилась она. - Мог ли он оказаться здесь так быстро?
- Да, - сказал Винс.
- Нет, - сказал Дейв.
- Возможно, - сказали они оба, и Стефани удивленно воззрилась на них, начисто позабыв про свой кофе.

16

- Вот почему это не может подойти «Глоуб», - сказал Винс, отпив из своей чашки и собравшись с мыслями. - Даже расскажи мы им все это.

- Чего мы не сделаем, - добавил Дейв.
- Чего мы не сделаем, - согласился Винс. - Но если бы рассказали... Стеффи, когда в большой газете - вроде «Глоуб» или «Нью-Йорк Таймс» - готовят материал, то хотят быть уверены в том, что смогут ответить на возникшие у кого-нибудь вопросы. Нравится ли мне это? Ни черта! Посмотри на эти заголовки, Стефани, - сплошные вопросы! Где Усама бин Ладен? Мы не знаем. Чем занимается наш президент на ближнем Востоке? Мы не знаем, потому что он сам не знает. Что ждет нашу экономику - спад или подъем? Эксперты разнятся в оценках.
- Вот почему им так нужны ответы, - сказал Винс. - Когда дело доходит до «необъяснимых загадок», они всегда должны иметь возможность сказать, что береговые огни на самом деле являются бликами на низких облаках, а отравление на церковном пикнике организовала безумная секретарша. Но все эти шутки со временем...
- Которого у тебя осталось не так уж много, - добавил Винс, улыбнувшись.
- Это возмутительно, - ответил Дейв. - Даже принимая во внимание твой авторитет.
- Но я хочу быть возмутительным, - ответил Винс. - Я уже на самом пороге, вот-вот перешагну его, так что, думаю, заслужил это право.
- «Сколько не говори «сахар», во рту слаще не станет». Так говорил мой отец.
- О, да, разумеется. Допустим, двери лифта закрылись в десять двадцать, - сказал Винс. - И допустим, что все это было спланировано заранее и на улице Джима ждала машина с включенным двигателем.
- Допустим, - согласилась Стефани.
- Чисто гипотетически, - заметил Дейв.
- Это маловероятно, согласен. Но парень был в «Ян Уорфсайд» в половине шестого, что тоже маловероятно, но является подтвержденным фактом. Могу я продолжить?
- Конечно, мистер МакДафф.¹²
- Если у него была машина, он мог добраться до Стэплтона за полчаса. Конечно же, он не полетел коммерческим рейсом. Он мог расплатиться наличностью и зарегистрироваться под псевдонимом - тогда это еще было

¹² МакДафф – сыщик, герой детективов Ричарда Джэссела.

возможно – но он не успевал на рейс в Бангор. И вообще в любой город в Мэне.

– Это ты сказал, не я.

– Да. Ближайший рейс, на который он успевал, прибывал в Бангор в шесть сорок пять. Слишком поздно. Он даже не успел бы на последний паром.

– Шестичасовой? – уточнила Стеффи.

– Да. Это расписание действует до середины мая, – ответил Дейв.

– Значит, он полетел чартером, – сказала она. – До Бангора летают чартеры? Он мог заказать такой билет?

– Да – на все вопросы, – ответил Винс. – Но это влетело бы ему в несколько тысяч долларов, и в банке наверняка бы отследили такую операцию.

– А ее не было?

– Нет, – Винс покачал головой. – Изъятия денег со счета в таком количестве не производилось. Тем не менее, он должен был это сделать. В авиакомпании мне сказали, что при удачном стечении обстоятельств полет на реактивном самолете – таком, как сорок пятый или пятьдесят пятый «Лир»¹³ – займет немногим более трех часов.

– Из Денвера до Бангора.

– Да, из Денвера до Бангора. Кратчайший путь.

– И вы проверили чартерные авиакомпании в Денвере?

– Я пытался. Я разыскал пять подходящих компаний, со мной согласились поговорить лишь в двух. Они, конечно же, вовсе не обязаны были делать это, верно? Я был провинциальным репортером, а не полицейским. В одной из компаний мне посоветовали попробовать отыскать следы Джима в одной из «АБПВ».

– «АБПВ»?

– Авиационные базы постоянного базирования. Чартерная авиация – лишь часть того, чем они занимаются¹⁴. Они занимаются авиаперелетами в комплексе, начиная от бронирования билета и заканчивая поиском самых

¹³ Lear – марка небольших реактивных самолетов компании Bombardier Aerospace, предназначенных для частных авиаперелетов

¹⁴ Авиационная база постоянного базирования, или FBO (fixed base operators) – центр, предоставляющий комплекс наземных услуг самолетам деловой авиации, их экипажам и пассажирам. Для FBO в равной степени важно наличие удобных подъездных путей и ангаров для технического обслуживания или текущего ремонта самолетов, комфортабельные залы ожидания и договоренности с базовым аэропортом о приоритетном прохождении воздушных судов, квалифицированная сервисная группа и вышколенный персонал. Мелочей тут нет и быть не должно: деньги в секторе деловой авиации крутятся немалые, поэтому ни клиент, ни обслуживающий его внешний персонал (включая сюда не только экипажи воздушных судов, но и брокеров, и операторов рейсов), не должны чувствовать себя обделенными и обиженными. Ну и, разумеется, безопасность плюс конфиденциальность.

подходящих отелей по пути следования. Лучшие из них – сетевые компании, вроде авиационного эквивалента «МакДональдс» или «Холидей Инн».

– Вы провели неплохую исследовательскую работу, – Стефани была впечатлена.

– Да. Достаточную для того, чтобы понять, что степлтонский аэропорт используется самыми различными авиакомпаниями. Например, АБПБ «Ля Гардиа», что в Нью-Йорке, имеет собственный рейс до Денвера, и зачастую на обратном пути пилоты ищут желающих долететь до Нью-Йорка, чтобы хоть как-то окупить дорогу назад.

– Сейчас они, наверное, рассчитывают время и находят клиентов при помощи компьютера, – предположил Дейв. – Понимаешь, о чем речь, Стеффи?

Она понимала. Она понимала и еще кое-что.

– И поэтому регистрационная запись о безумном перелете мистера Когана может храниться в документации нью-йоркской конторы «Воздушный орел».

– Или в документации филиала «Воздушного орла» в городе Монпелье, штат Вермонт, – согласился Винс.

– Или в документации «Реактивных утиных полетов», Вашингтон, округ Колумбия, – добавил Дейв.

– А если Коган заплатил наличными, никаких записей нет вовсе, – подвел черту Винс.

– Но ведь есть различные агентства...

– Конечно, начиная с Федерального управления авиации и заканчивая финансовой инспекцией. Но они появляются только на звон монет, бумажная волокита их не интересует. Помнишь Хелен Хэфнер?

Конечно же, она помнила. Официантка в «Серой Чайке». Та самая, сын которой упал с дерева и сломал руку. Фокус Винса с чаевыми. «Бумага стерпит, а дяде Сэму знать не обязательно», вот что он сказал тогда, а Дейв добавил: «вот так в Америке делают бизнес».

Стефани была согласна с ними, но в этом случае такой способ ведения бизнеса выглядел довольно опасным.

– И вы ничего не узнали, – сказала она. – Пытались, приложили все усилия, но не смогли ничего выяснить.

На лице Винса появилось выражение удивления, затем – веселья.

– Ну, что касается всех усилий – мне сложно говорить... Может, и не все. Ты не права в другом: я все же знаю. Он вылетел чартером из Стэплтона. Вот как все было.

– Но вы сказали...

Он наклонился к ней – очень близко, глаза в глаза.

– Слушай внимательно и запоминай, дорогая. «Шерлока Холмса» я читал уже давно, так что могу ошибиться в деталях, но однажды великий сыщик сказал Ватсону приблизительно следующее: «когда вы вычеркнете все невозможные варианты развития событий, оставшийся – каким бы невероятным он не был – будет тем самым ответом, который вы ищете». Мы знаем, что парень из Колорадо находился у себя в офисе в десять двадцать, и мы знаем, что он находился в «Ян Уорфсайд» в половине шестого. Раздвинь ладони, как делала это только что. Она так и сделала – про себя окрестив одну «Парнем в Колорадо», а вторую – «Мистером Коганом в Мэне». Винс коснулся ее правой руки – возраст встретился с юностью – и сказал:

– Только он не обязательно должен был оказаться там в половине шестого. Нам вовсе не нужно верить официантке на слово. Вряд ли она со всех ног бросилась к часам, завидев в дверях этого парня, зато без сомнения можно утверждать, что дел у нее было неспорно. Был час-пик, если можно так сказать.

Стефани кивнула. В этой части света ужин начинался рано. Обедом – что произносилось как «абд» – считалось то, что съедалось до полудня.

– Пусть будет шесть. Время, когда приходит последний паром.

Она вновь кивнула.

– Он должен был приехать на нем, верно?

– Да, если только он не переплыл пролив брассом, – ответил Дейв.

– Или не заказал лодку, – предположила Стефани.

– Нет, мы проверяли. И, что еще важнее, мы поговорили с Гардом Эдвигом, паромщиком.

Интересно, принес ли ему Коган чашку чая, подумала Стефани. Потому что если тебе нужна переправа, ты должен принести чашку чая паромщику. Дейв сам так сказал, верно?

– Стефф? – голос Винса звучал озабоченно. – Стобой все в порядке?

– Все хорошо.

– Ты выглядишь... как-то странно.

– Так и есть. Это странная история, не так ли? Только это вовсе не история, вы были правы насчет этого.

Наверное, поэтому я так и выгляжу. Все равно что кататься на велосипеде по невидимому канату.

Стефани сомневалась секунду, но потом все же решила закончить. Если она выставит себя полной дурой – что ж, так тому и быть.

– Гард Эдвик запомнил Когана, потому что тот дал ему что-то, да? Потому что он принес чай паромщику?

На какое-то время они замолчали – просто смотрели на нее своими непостижимыми глазами, глазами молодых стариков – и она подумала, что должна сделать что-то, засмеяться, заплакать, что угодно, лишь бы уничтожить это беспокойное, тревожное ощущение.

– Было холодно. Кто-то – мужчина – принес в кабину капитана чашку кофе. Они перебросились несколькими словами. Стоял апрель, не забывай, к шести часам уже стемнело. «Плавно идем», – сказал этот человек. И Гард ответил: «Угу». И тогда человек сказал: «долго же я сюда добирался», или «ну и долго же сюда добираться», что-то вроде этого. Гард сказал, что это могло быть даже «Лайдл долго сюда добирался». Лайдл – это имя, не очень распространенное, в телефонной книге Тиннока таких нет, но я нашел его в некоторых других.

– На Когане было пальто? Или куртка?

– Стефф, Гард не только не запомнил одежды этого человека, в суде под присягой он не смог бы сказать, был ли этот человек пешком или на лошади. С одной стороны, уже стемнело; с другой стороны, старина Гард...

– Винс сделал вид, будто отпивает из невидимой бутылки.

– О мертвых не должно так говорить, но пил он как черт, – сказал Дейв. – Он потерял работу паромщика в восемьдесят пятом, и город поставил его на снегоочиститель, так что семья Гарда не голодала – а у него было пять детей и жена, страдающая рассеянным склерозом. Но он сломал машину, когда ехал вдребезги пьяный по Мэйн Стрит, и не просто сломал, а сделал это так, что вырубил всю чертову энергию на целую чертову неделю – и это был февраль, простите мне мой французский. Так он лишился и этой работы. Так что чему тут удивляться? Да, он мало что запомнил. Важно то, что он вообще запомнил парня из Колорадо, добирающегося на остров на последнем пароме. Да, он принес чай паромщику – или его эквивалент. У тебя хорошая память, Стеффи.

И он похлопал ее по руке. Она в ответ улыбнулась ему – слегка ошалелой улыбкой.

– Как ты совершенно верно заметила, между двумя штатами разница в два часа, – сказал Винс и придвинул ее правую ладонь к левой. – Четверть первого. Коган покидает офис. Он выбегает из лифта, пулей несется к выходу и садится в машину – где его должен был ждать очень быстрый водитель. Через полчаса он уже в аэропорту Стэплтона, еще через пять минут он ступает на борт реактивного самолета. И он не мог положиться на случай. Люди, которые пользуются такими самолетами, обычно проводят в пункте назначения несколько дней, затем улетают обратно. Пилоты же проводят эти дни в поисках других чартерных заказчиков. Коган, скорее всего, использовал именно такой вариант. Наверняка он сразу заплатил пилотам, чтобы те забрали его, когда самолет отправится обратно.

– А что, если основной заказчик отменит рейс?

– А что, если погода будет нелетной? – пожал плечами Дейв. – Тогда наш парень отложил бы полет на другой день.

Винс, тем временем, слегка приблизил ладони Стефани друг к другу.

– И вот он уже здесь, на восточном побережье. Ему не нужно было беспокоиться о процедурах по обеспечению безопасности в помещении терминала – не в начале восьмидесятых, дорогая. Допустим, он быстро покинул аэропорт. Допустим, он успел на паром. На последний паром.

Левая ладонь Стефани приблизилась к правой еще ближе.

– Перелет занял три часа. Мой коллега пользуется Интернетом – просто без ума от него – и ему удалось узнать, что в тот день стояла удивительно хорошая погода. Парню повезло.

Расстояние между правой ладонью (которую она называла про себя парнем из Колорадо) и левой (ту, что она окрестила без двух минут мертвым Джеймсом Коганом) сократилось до полутора дюймов.

– Он просто физически не мог передвигаться медленней.

– Потому что факты противоречат этому, – увлеченно и слегка испуганно произнесла она. Когда-то в школе ей довелось прочитать фантастическую книжку под названием «Луна – суровая хозяйка»¹⁵. Насчет луны она ничего не могла сказать, но вот время... Время точно суровый хозяин.

¹⁵ Автор Роберт Хайнлайн.

- Факты противоречат, - согласился Винс. - В четыре - или в пять минут пятого - он появляется в «Твин Сити сивил эйр», единственном терминале АБПБ в Бангоре.
- Какие-нибудь записи остались? Вы не узнавали? Конечно же, он узнавал. И, разумеется, ничего не нашел. Такова уж была эта история - похожа на чих, застрявший где-то в носовых пазухах. Кажется, вот-вот... и вдруг это чувство так же неожиданно проходит.
- Разумеется. Согласно учетным книгам, в тот день прошло много платежей, включая один очень крупный за дозаправку... но ничего, что бы касалось мистера Когана. Человек, который привез его, скорее всего, провел ночь в одной из гостиниц Бангора и вылетел назад следующим утром.
- Или весь уик-энд, - добавил Дейв. - Или улетел сразу же, и эта запись о дозаправке относится к другому самолету.
- Но он же летел из Денвера, ему нужно было дозаправиться, - возразила Стефани.
- Он вполне мог это сделать в Портленде, - ответил Дейв.
- Почему?
- Дейв улыбнулся и неожиданно стал похож на лиса, что довольно резко контрастировало с его обычным видом глуповатого простака. Стефани подумала, что за маской вечного ребенка прячется ум, по силе ничуть не уступающий уму Винса Тига.
- Коган мог дать ему денег на это, чтобы не оставлять в Бангоре никаких следов. И если сумма была достаточно большой, пилот не задавал никаких вопросов.
- Что же касается парня из Колорадо - у него остается еще почти два часа, чтобы добраться до Тиннока, перекусить в «Ян Уорфсайд» и успеть на последний паром. Пока Винс говорил, он мягко приближал ладони Стефании одну к другой - и они, наконец, соприкоснулись кончиками пальцев.
- Он успел? У него получилось?
- Может быть, но он должен был бежать со всех ног, - сказал Дейв. - Никогда бы не поверил в это, если бы на следующее утро его бы не нашли мертвым на Хэммок Бич. Ты бы поверил, Винс?
- Нет, - немедленно ответил тот.
- В пределах дюжины миль от Тиннока есть четыре взлетно-посадочные полосы. Мы проверили их, чтобы

убедиться, что Коган не зафрахтовал второй самолет и не прилетел сюда прямо из Бангора.

- Ну, это маловероятно.

- Ты права, - согласился Винс. - С тех пор, как двери лифта скрыли мистера Когана от наших глаз, все, чем мы занимаемся - преследуем маловероятную расплывчатую тень. Пытаемся преследовать.

- Три из них были закрыты в это время года. Четвертой владела женщина по имени Мэйси Хэннингтон. Жила по соседству вместе с отцом и полусотней псов. Она поклялась, что никто не пользовался полосой с октября семьдесят девятого по май восьмидесятого, но от нее несло, как от винной бочки, и я бы удивился, если она вспомнила бы что-то, случившееся с ней за неделю до нашего разговора, не говоря уже о восемнадцати месяцах.

- А ее отец?

- Одноногий слепец, - ответил Дейв. - Диабетик.

- Ой.

- Именно так.

- Давайте оставим Джека и Мэйси Хэннингтонов в покое, - нетерпеливо сказал Винс. - Я никогда не верил в «теорию второго самолета», точно так же как не верю в «теорию второго стрелка» в случае с убийством Джона Кеннеди¹⁶. Если у Когана была машина под парами в Денвере, почему бы ему не иметь точно такую же в Бангоре? Думаю так все и было.

- Слишком натянуто, - возразил Дейв с долей насмешки в голосе.

- Возможно, - без тени смущения ответил Винс. - Но когда ты отбрасываешь невозможное, то, что остается, должно быть правдой. Которая, как щенок, скребется в твою дверь и ждет, чтобы ее впустили.

- Он мог вести машину сам, - задумчиво сказала Стефани.

- Машина напрокат? Навряд ли. Прокатные фирмы принимают только кредитные карты, а кредитные карты - это оставленный след.

- Кроме того, Коган просто не знал, куда ехать. Из того, что мы выяснили, следует, что он никогда не был в этих местах. Ты знаешь, Стеффи: из Бангора в Эллсуорт ведет одна дорога, но уже из Эллсуорта их целых три. Приезжий обязательно запутается в этих развилках. Нет, я думаю, что Дейв прав. Если парень из Колорадо хотел

¹⁶ Теория, согласно которой Кеннеди убил не арестованный позже Ли Харви Освальд, а второй человек, его дублер, которому удалось ускользнуть незамеченным.

использовать машину и был в курсе того, каким небольшим промежутком времени располагает, то, думаю, в аэропорту его ждала машина с водителем. Таким, который принимает наличные, едет быстро и знает каждый поворот.

Стефани задумалась.

- Итого трое. Два водителя и один пилот.

- Возможно, был и второй пилот. В конце концов, таковы правила.

- Очень странно, - сказала она.

Винс кивнул и вздохнул.

- Не могу не согласиться.

- Ни одного из них вы не нашли.

- Нет.

Стефани вновь погрузилась в раздумья, низко опустив голову и нахмурившись. Прошло около двух минут, прежде чем она заговорила.

- Но зачем? Что здесь было такого важного, что заставило Когана пойти на такие хитрости?

Винс Тиг и Дейв Боуи переглянулись.

- Хороший вопрос, верно? - сказал Винс.

- Вопрос в самую точку, - согласился Дейв.

- Главный вопрос, - сказал Винс и мягко продолжил: - Мы не знаем, Стефани. Не знаем до сих пор.

- Такая история не понравится «Бостон Глоуб», - еще мягче добавил Дейв. - Точно не понравится.

17

- Мы, конечно же, не «Бостон Глоуб», - сказал Винс. - Мы даже не «Бангор Дейли Ньюс». Но когда взрослый мужчина - или женщина - слетает с катушек, каждый уважающий себя репортер начинает искать причины, и масштаб газеты не имеет значения. Неважно, касается ли это отравления на церковном пикнике или исчезновения благопристойного мужа будничным утром. Теперь давай забудем на некоторое время о дальнейшей судьбе мистера Когана. Перечисли мне причины, которые могли побудить его на такой поступок, Стефани. Назови как минимум четыре.

Звенит звонок - пора на урок, подумала Стефани. Она вспомнила, как месяц назад Винс ей сказал: «если хочешь быть успешным репортером, не стоит стыдиться грязных мыслей». Тогда она решила, что он чудит, возможно, даже

слишком... Но сейчас ей показалась, что она поняла смысл сказанного.

– Секс, – произнесла она и загнула указательный палец на левой руке. – Я имею в виду другую женщину. Деньги. Долг... или кража, не знаю.

Она загнула еще один палец.

– Не забывай про Финансовую Инспекцию, – сказал Дейв. – Иногда люди убегают от дядюшки Сэма.

– Она не знает, насколько Инспекция может быть страшна, – сказал Винс. – И не стоит упрекать ее в этом. В любом случае, его жена сказала, что Коган не получал никакой сверхприбыли. Продолжай, Стеффи, у тебя неплохо выходит.

У нее пока что не было других вариантов, но один вертелся на кончике языка.

– Может, он был вынужден начать новую жизнь? – с сомнением произнесла она, обращаясь больше к себе, чем к собеседникам. – Ну, не знаю... разорвать в одночасье все связи и стать другим человеком?

И тут же Стеффи загнула еще один палец, четвертый:

– Сумасшествие, – неуверенно закончила она. – Возможно, «новая жизнь» и «сумасшествие» – это одно и то же?

– Возможно, – ответил Винс. – И ты можешь быть уверена в том, что безумием очень легко объяснить почти все странные и необъяснимые события. Наш случай очень похож на «лечение географией», обычно люди пытаются таким образом завязать с наркотиками или выпивкой. Сюда можно добавить и азартные игры, но это больше относится к денежным проблемам.

– У него были проблемы с алкоголем или наркотиками?

– Арла сказала, что нет, и я склонен ей верить. Прошло шестнадцать месяцев, ее муж был мертв – к чему ей что-то скрывать?

– Стефани, – мягко сказал Дейв. – Когда ты думаешь об этом, тебе кажется, что без сумасшествия не обошлось, верно?

Она представила мертвого Джеймса Когана, парня из Колорадо, сидящим на Хэммок Бич, спиной прислонившегося к мусорному баку. В его горле застрял кусок бифштекса, глаза закрыты; одна рука скрючена так, словно он держал в ней невидимый гамбургер – так и было, просто какая-то чайка подлетела и выхватила его из мертвой ладони, оставив на ней лишь капельки жира.

- Да, - ответила она. - Без сумасшествия не обошлось. Она знала об этом? Его жена?

Они вновь переглянулись. Винс вздохнул и почесал переносицу.

- Наверное, знала. Но к тому времени ей нужно было беспокоиться о собственной жизни - собственной и сына, конечно. После исчезновения мужа она вернулась на старую работу - в один из банков Боулдера - но о том, чтобы содержать дом в Нидерлэнде, конечно, не было и речи. Родные помогали мало - а его родные так и вовсе не помогали - поэтому большую часть заработка она откладывала на обучение маленького Майкла. Когда мы встретились с ней, она нуждалась в двух вещах, одной материальной, другой... ты бы назвал ее «духовной»? - Винс с сомнением посмотрел на Дейва. Тот пожал плечами и кивнул, словно говоря: «почему бы и нет?»

Винс кивнул и продолжил.

- Она хотела положить конец незнанию. Жив он или мертв? Замужем она или вдова? Могла ли она, наконец, похоронить надежду, или ей придется нести ее дальше? Возможно, последнее звучит слишком жестоко, но иногда надежда - слишком тяжелый груз.

- Что же касается материального, то все было проще. Она хотела лишь, чтобы страховая компания заплатила ей причитающуюся сумму. Я знаю, что Арла Коган не единственная женщина в мировой истории, ненавидящая страховые агентства, но я бы поставил ее в потенциальном списке достаточно высоко. Она боролась и боролась, прозябая вместе с Майклом в трехкомнатной квартирке где-то в Боулдере (что, конечно, не могло ей нравиться после шикарного дома в Нидерлэнде). Каждое утро она оставляла сына сиделкам, которым не всегда доверяла, и отправлялась на работу, которую терпеть не могла. Она возвращалась домой и ложилась в холодную постель, где никто не мог ее обнять и прижать к себе; она сходила с ума от счетов и постоянно следила за газовым счетчиком, потому что цены на газ росли уже тогда... и все это время она в глубине души была уверена, что ее муж мертв. Но страховые компании ничего не желали слушать. То, что говорит сердце, не может быть приложено к делу, считали они.

Она постоянно спрашивала меня, смогут ли «ублюдки» - как она их называла - заплатить ей, если докажут, что это было самоубийство. Я отвечал ей, что ни разу не

слушал, чтобы кто-то решил покончить с собой при помощи куска бифштекса, и позже, когда Арла опознала мужа по фотографии в присутствии Кэкерта, он сказал то же самое. Это, похоже, немного ее успокоило.

Кэткерт пошел еще дальше, заявив, что если возникнут проблемы, он сам позвонит агенту и расскажет обо всем. Она всплакнула – частично в знак благодарности, частично от облегчения.

– Разумеется, – пробормотала Стефани.

– Я привез ее на остров и поселил в отеле «Красная крыша», – продолжал Винс. – Ты останавливалась там же, когда приезжала сюда в первый раз, верно?

– Да, – ответила Стефани. Она уже около месяца жила в небольшом пансионе, но в октябре планировала переселиться в местечко посерьезней. Если эти двое, конечно, ее не прогонят. Хотя она думала, что не прогонят. Сегодняшний разговор был во многом этому причиной.

– На следующее утро мы втроем позавтракали, – сказал Дейв. – И как большинство людей, не сделавших ничего дурного и не имевших большого опыта в общении с газетчиками, она не высказывала никакого недовольства, общаясь с нами. Она не держала в уме, что любое из сказанных ей слов может завтра оказаться на передовице. И, по правде говоря, мы почти не обманули ее ожиданий. Мы вовсе не преподносили это в виде истории с продолжением. Простая констатация факта.

– Никаких спекуляций, – обобщила Стефани.

– Нет, что ты! – воскликнул Дейв и рассмеялся. Он смеялся, пока его не скрутил кашель. Он достал из кармана брюк платок и вытер уголки глаз.

– Что она вам сказала?

– Что она могла сказать нам? – ответил Винс. – По большей части она задавала вопросы. Единственное, о чем я спросил ее, чем был для Когана этот chervonetz¹⁷ – счастливым амулетом, подарком на память или чем-нибудь еще. – Он сделал паузу. – Вот таким я был газетчиком.

– Чеврон... – попыталась повторить Стефани.

– Русская монета, которую мы нашли вместе с мелочью в кармане Когана, – ответил Винс. – Это был червонец, десятирублевая монета. Она ответила, что понятия не имеет, откуда она взялась. Сказала, что Коган однажды

¹⁷ Так по тексту.

брал напрокат в «Блокбастере» фильм «Из России с любовью».

– Он мог найти его на пляже, – предположила Стефани. – Люди много чего находят в таких местах. – Она сама нашла женский каблук, который вынесло прибоем на Литтл Хэй Бич, что в двух милях от Хэммока.

– Мог, конечно, – согласился Винс. Его глаза пристально смотрели на нее. – Хочешь знать, что я запомнил больше всего из нашего завтрака?

– Разумеется.

– Какой отдохнувшей она выглядела. И с каким аппетитом поглощала еду.

– Факт, – подтвердил Дейв. – Есть мнение, что такое свойственно преступникам, но мне кажется, что наибольший аппетит у того, кто только что сбросил с себя тяжкий груз. В каком-то смысле так и было. Она не знала, что делает в этой части света и что случилось с ее мужем, и, думаю, она поняла, что может никогда не узнать.

– Так и есть, – сказал Винс. – Она говорила мне об этом, когда я вез ее в аэропорт.

– Но она знала одно: ее муж мертв. Возможно, в глубине души она всегда знала это, но разуму нужны были доказательства. Не говоря уже о страховой компании.

– Она получила свои деньги?

– Да, мэм, – Дейв улыбнулся. – Они помучали ее – эти парни работают быстро, когда необходимо продать страховку, и жутко медленно, когда приходит пора платить по счетам – но в конце концов заплатили. Мы получили от Арлы письмо, где она благодарит нас за проделанную работу. В нем говорилось, что без нашей помощи она так и находилась бы в подвешенном состоянии на радость страховщикам.

– А какие вопросы она задавала тогда, за завтраком?

– Самые банальные, – ответил Винс. – Сначала спросила, куда он направился после переправы. На этот вопрос, конечно, мы не могли ответить. Мы пытались, видит бог – верно, Дейв?

Дейв Боуи кивнул.

– Но никто не видел его на острове. Неудивительно, к тому времени уже достаточно стемнело. Что касается остальных пассажиров парома – их было немного, учитывая время года и то, что паром был последним – они все,

опустив головы, направились к своим машинам на Бэй стрит.

- Еще она спросила про бумажник, - сказал Дейв. - Мы сказали ей, что его так и не нашли, а если кто и нашел, то в полицию не обращался. Вполне может случиться, что кто-то на пароме вытащил бумажник из его кармана, забрал деньги и выбросил ненужную вещь в море.

- Это так же вероятно, как и то, что на небесах устраивают родео, - сказал Винс. - если у него были деньги в бумажнике, для чего он носил семнадцать долларов в кармане?

- На всякий случай, - предположила Стефани.

- Возможно, - сказал Винс. - Но мне кажется, что это не так. И, откровенно говоря, я нахожу гипотезу о карманнике на шестичасовом пароме между Тинноком и Лосиным островом еще менее маловероятной, чем чартерный перелет рекламного художника из Денвера на побережье Новой Англии.

- В любом случае, мы не могли сказать ей, где сейчас находится бумажник, - продолжил Дейв. - Или пальто. Или пиджак. Как не могли сказать, почему он оказался именно там, на пляже - в одних брюках и рубашке.

- Сигареты? Готова поспорить, они ее заинтересовали. Винс хохотнул.

- Заинтересовали - это не то слово. Они свели ее с ума. Она не могла представить, зачем ему понадобилась пачка сигарет. И ей не нужно было говорить нам, что он из тех парней, которые возвращаются к своим старым привычкам. Кеткэрт осмотрел его легкие во время вскрытия...

- Он все же решил проверить, не было ли там воды?

- Точно так. Если бы она там была, можно было предположить, что кто-то, закинув кусок мяса в глотку Когану, пытался скрыть основную причину смерти. Но воды не было, как не было и следов никотина. Хорошие розовые легкие, сказал он. И все же Когану нужно было где-то остановиться, несмотря на всю спешку, и купить эту пачку. Или что она была с ним с самого начала, что мне кажется наиболее вероятным. Возможно, вместе с российской монетой.

- Вы сказали ей об этом?

- Нет, - ответил Винс, и тут раздался телефонный звонок. - Извините.

Он подошел к аппарату и снял трубку. Сказал «Ага» пару или тройку раз, затем вернулся к ним.

– Это была Эллен Данвуди. Она готова рассказать о душевной травме, которую нанес ей этот гидрант, и «вызванном этим зрелище». Это точная цитата, хотя я не уверен, что использую ее в своей статье. Думаю, мне нужно сходить к ней и записать все до тех пор, пока ее память свежа. И до тех пор, пока она не поужинала; мне повезло, что она и ее сестра ужинают поздно.

– А мне нужно заняться этими счетами-фактурами, – сказал Дейв. – Похоже, пока мы были в «Чайки» их стало на дюжину больше. Клянусь, когда их оставляешь без присмотра, они размножаются.

– Вы не можете остановиться сейчас, – обеспокоенно сказала Стефани. – Вы не можете оставить все... вот так.

– Выбора нет, – мягко ответил Винс. – Оно было «вот так» на протяжении двадцати пяти лет. В этом случае не возникнет никакого свихнувшегося секретаря.

– Никаких туч, блики на которых можно было бы принять за НЛО, – добавил Дейв. – Нет даже фотографии старого бедняги Теодора Рипоно, убитого в споре за гипотетическое пиратское сокровище и оставленного умирать в луже собственной крови в качестве предостережения другим соискателям. Здесь нет ничего, дорогуша.

Дейв улыбнулся... но затем улыбка медленно сползла с его лица.

– Ничего подобного в случае с парнем из Колорадо нет. Никаких звеньев, чтобы можно было бы выстроить цепочку; здесь нет ни Шерлока Холмса, ни Эллери Квина, чтобы в конце концов эту цепочку восстановить. Лишь двое скромных газетчиков, набивающих свой еженедельник сотнями всевозможных историй. Не таких, как в «Бостон Глоуб», конечно, но людям нравится. Кстати, об историях... Не ты ли собиралась поговорить с Сэмом Джернардом о его знаменитом празднике с прыжками в сено, пикником и танцами?

– Да, я... я, конечно. Неужели это все, что вы хотите знать, парни? Что я на самом деле хочу поговорить с ним об этом чертовом празднике?

Винс Тиг захлебнулся от хохота, и Дейв присоединился к нему.

– Ох, – сказал Винс, когда они оба успокоились. – Конечно же, я знаю, что ты хочешь.

– Мы оба это знаем, – добавил Дейв.

– Я понимаю, что у вас много своей работы, но... Но неужели за эти годы у вас не появилось ни одной теории?
– Стефани жалобно посмотрела на них. – Ведь появилось же?

Старики переглянулись, и в который раз она почувствовала, что они обмениваются мыслями, но на этот раз не могла понять, какими.

– Что ты хочешь знать? – Дейв посмотрел на нее. – Скажи нам.

18

– Его убили? – вот что она действительно хотела знать. Они просили ее отложить эту идею в сторону, но сейчас разговор о парне из Колорадо был почти завершен, и она решила, что снова может поднять эту тему.

– Почему ты задаешь этот вопрос, несмотря на то, что все указывает на смерть от несчастного случая? – спросил Дейв. В его голосе звучала нотка искреннего любопытства.

– Из-за сигарет. Это то, что он сделал намеренно. Просто ему в голову не приходило, что марку на пачке найдут спустя полтора года.

– Верно, – ответил Винс. Его голос звучал спокойно, но кулак был сжат, и Винс потрясал им, словно спортивный фанат, когда его любимому игроку удается наиболее красивый удар. – Хорошая девочка. Отличная работа. Хотя ей было всего двадцать два, Стефани возмущалась, когда ее называли девочкой. Но этот седой девяностолетний старик с узким лицом и пронзительным взглядом голубых глаз – совершенно другое дело. По правде говоря, ей стало очень приятно.

– Он не мог предположить, что его смертью займутся два таких остолопа, как О'Шэнни и Моррисон, – сказал Дейв.

– Не мог предположить, что будет зависеть от практиканта, основной работой которого в последние месяцы были кофейные забеги и перекладывание папок с места на место. Я уже не говорю о двух стариках, выпускающих среднего пошиба еженедельник.

– Попридержи коней, – сказал Винс и шутливо сжал кулаки.

– Это обидные слова.

– Как вы думаете, что случилось на самом деле?

– Нет, Стеффи, – сказал Винс. – Ты все еще думаешь, что из туалета выйдет вальсирующий Рекс Стаут¹⁸ или Эллери Квин в обнимку с мисс Марпл. Если бы у нас была идея – любая идея – мы бы погнались за ней на всех парах. Плевать на «Бостон Глоуб», наша обязанность помещать любую историю, будь она достаточно интересной, на страницы «Айлендера». Возможно, мы были невеликими журналистами тогда – и, возможно, мы староватые журналисты сейчас – но мы не мертвые журналисты. Мне до сих пор нравится идея крупной, по настоящему большой истории.

– Мне тоже, – согласился Дейв. Секундой назад он еще стоял – вероятно, держа в уме свои бухгалтерские бумаги – но сейчас вновь сидел на кончике стола, качая ногой. – Я всегда мечтал о статье, которая прогремит на всю страну... наверное, я умру с этой мечтой. Давай Винс, расскажи ей, что ты думаешь обо всем этом. Она никому не расскажет. Теперь она одна из нас.

Стефани почти задрожала от удовольствия, но Винс Тиг, кажется, этого не заметил. Он наклонился вперед, заглядывая ей в глаза – тоже голубые, но значительно светлее, глаза Винса Тига напоминали океан в яркий солнечный день.

– Хорошо, – сказал он. – Я начал думать, что все это выглядит немного странно, задолго до неразберихи с маркой. Почему, например, в пачке не было всего лишь одной сигареты, если парень провел на острове как минимум шесть с половиной часов? Я отправился в «Бэйсайд Ньюс» и показал фотографию Когана всем, кто работает в этом магазине – мне казалось, что он купил пачку в этом магазине, если только не воспользовался табачным автоматом в «Красной крыше», «Шаффл Инн», или «Сонни'с Санокко». Как я думал тогда, у него закончились сигареты, пока он бродил по острову – вот почему ему понадобилась новая пачка. Также я решил, что если он купил их в «Ньюс», то должен был сделать это незадолго до одиннадцати, когда магазин закрывается. Это объясняло бы, почему он успел выкурить всего одну сигарету.

– Но потом выяснилось, что Коган не курил, – сказала Стефани.

¹⁸ Рекс Стаут – писатель, автор популярных детективов.

- Верно. Так сказала его жена, и Кэткерт подтвердил это. Мне стало казаться, что пачка сигарет – послание: я из Колорадо, ищите меня там.

- Мы никогда не знали наверняка, но оба были уверены в этом, – вставил Дейв.

- Боже, – выдохнула Стефани. – И куда вас это привело? И вновь они переглянулись, в этот раз синхронно пожав плечами.

- В страну теней и лунного света, – ответил Винс. – Места, в которых никогда не окажется будущий писатель из «Бостон Глоуб». Но есть несколько мыслей – неподтвержденных мыслей – относительно которых я глубоко убежден. Хочешь услышать их, Стефани?

- Да!

Винс говорил медленно, но уверенно, как человек, спускающийся в темный подвал... в котором он бывал не раз.

- Коган знал, что окажется в безнадежной ситуации, и он знал, что в случае смерти может остаться неопознанным. И ему не хотелось этого – хотя бы потому, что тогда разрушится жизнь его семьи.

- И тогда он купил эти сигареты, надеясь, что они не будут замечены, – сказала Стефани.

- Так и случилось, – кивнул Винс.

- Но не замечены кем?

Винс сделал паузу, затем продолжил, оставив ее вопрос без ответа.

- Он вышел из лифта и покинул офис. Перед зданием стояла машина, которая должна была отвезти его в аэропорт Стэплтона, перед самым зданием или за углом. Может, в машине был только водитель, может быть – кто-то еще. Этого мы никогда не узнаем. Ты спрашивала меня, был ли Коган в пальто, когда вышел наружу, и я ответил, что художник Джордж не мог припомнить наверняка. Но Арла Коган сказала мне, что это пальто так и не нашли, так что может быть Джеймс вышел и одетым. Если так, то, думаю, он снял его либо в машине, либо в самолете. Снял он и пиджак. Я думаю, кто-то дал ему зеленую куртку – или она ждала его.

- В машине или в самолете, – уточнила Стефани.

- Да.

- Сигареты?

- Не могу сказать с уверенностью, но если бы пришлось выбирать какую-то версию, я бы сказал, что они были с

ним с самого начала, – сказал Дейв. – Он значал, к чему все идет – что бы это не было. Думаю, они лежали в брючном кармане.

– А потом, на пляже... – Стефани увидела Когана, ее представление о Когане, парне из Колорадо, закуривающего первую (и последнюю) в своей жизни сигарету, идущего к кромке воды на Хэммок Бич. Он один, луна освещает ему дорогу. Он подходит к воде, выбрасывает окурок, а затем... Затем – что? Что?

– Самолет высадил его в Бангоре, – она услышала свой голос, далекий и незнакомый.

– Да, – согласился Дейв.

– И его довели до Тиннока.

– Да, – это уже Винс.

– Он поужинал.

– Поужинал, – подтвердил Винс. – Вскрытие доказывает это. И мой нюх тоже – я учуял запах уксуса.

– Куда после этого делся его бумажник?

– Мы не знаем, – сказал Дейв. – И никогда не узнаем. Но я думаю вот что. Он оставил его где-то вместе с пальто, пиджаком и всей прошлой жизнью, получив взамен зеленую куртку. Которая позднее также исчезла.

– Или его забрали с трупа, – сказал Винс.

Стефани поежилась, просто не могла сдержать себя.

– Он прибыл на Лосиный остров на шестичасовом пароме, где принес Гарду Эдвику бумажный стаканчик кофе – что может быть расценено, как чай для паромщика.

– Да.

– Но при нем не было бумажника и удостоверения личности, только семнадцать долларов наличными и мелочь, включая, возможно, десятирублевую российскую монету. Вам не кажется, что эта монета может быть чем-то вроде пароля, как в шпионских романах? Я имею в виду, что холодная война между Россией и США была в разгаре, верно?

– Верно, – сказал Винс. – Но если бы ты отправилась на встречу к русскому агенту, стала бы ты использовать рубли в качестве пароля?

– Нет, – согласилась Стефани. – Но зачем тогда она ему понадобилась? Показать кому-то – единственная моя мысль.

– Мне всегда казалось, что кто-то дал ему ее, – сказал Дейв. – Может быть, вместе с бифштексом, завернутым в фольгу.

– Но зачем?

Дейв покачал головой.

- Я не знаю.

- Рядом с ним нашли кусочки фольги?

- О'Шэнни и Моррисон, конечно же, не искали. Я и Винс обшарили весь пляж, когда убрали эту дурацкую желтую ленту. Мы искали не фольгу – мы искали все, что так или иначе может быть связано с этим парнем. Так ничего и не нашли, кроме пустых пивных банок и прочего мусора.

- Если мясо было завернуто в фольгу, Коган мог выбросить ее вместе с сигаретой, – сказал Винс.

- Этот кусочек в его горле...

Винс слегка улыбнулся.

- Я долго разговаривал по поводу этого бифштекса и с доктором Робинсоном, и с доктором Кэткертом. Дейв был со мной на некоторых из этих бесед. Помню как Кэткерт сказал мне однажды – за месяц до сердечного приступа, оборвавшего его жизнь шесть или семь лет назад – «ты постоянно возвращаешься к этому делу, словно мальчик, возвращающийся к месту, куда он положил свой зуб. Вдруг фея что-нибудь оставила взамен?» И я подумал – точно, он прав, все так и есть. Дыра, вот что это, и я постоянно возвращаюсь к ней, в надежде обнаружить что-нибудь на дне. Первое, что мне захотелось узнать – не был ли этот кусочек засунут в горло Когану – пальцами или каким-либо инструментом – уже после его смерти. Ведь это приходило тебе в голову, верно?

Стефани кивнула.

- Он ответил, что это возможно, но маловероятно – потому что кусочек был не только разжеван, но разжеван до такой степени, чтобы его можно было проглотить. Это, в общем-то, и не было куском мяса, Кэткерт называл его «органической массой». Кто-то другой мог разжевать мясо за Когана, но после этого он навряд ли смог бы удержать то, что получилось, в руках. Ты следишь за моей мыслью? Стефани вновь кивнула.

- Также он сказал, что разжеванная «органическая масса» не слишком подходящий предмет для манипулирования инструментом.

- Скажи ей, о чем вы говорили с доктором Робинсоном. Не то, чтобы это было чрезвычайно важно, просто интересно.

- Он сказал, что существуют различные мышечные релаксанты, некоторые из них довольно экзотичны, и вполне возможно, что полуночный стейк Когана был начинен одним из них. Он мог откусить от него пару раз

– что согласуется с содержимым желудка – а потом внезапно обнаружить, что не в состоянии проглотить еще один, уже прожеванный кусок.

– Так и есть! – воскликнула Стефани. – Кто бы ни сделал это, он сидел рядом и просто смотрел, как Коган задыхается! А потом убийца усадил его рядом с мусорной корзиной и забрал оставшуюся часть стейка, чтобы никто не смог сделать анализ! Никакая это была не чайка!

Она замолчала, глядя на них.

– Почему вы качаете головами?

– Вскрытие, дорогуша, – сказал Винс. – При проведении исследования ничего похожего не обнаружено не было.

– Но если это было что-то экзотическое...

– Как в романах Агаты Кристи? – уточнил Винс и подмигнул ей. – Что ж, возможно... но не забывай про тот кусочек, что застрял в горле.

– О! Верно. Кэткерт исследовал и его, да?

– Да, – согласился Винс. – Исследовал. Возможны, мы и являемся глупыми провинциальными крысами, но иногда нас посещают здравые мысли. Ничего, кроме щепотки соли, в том кусочке не было.

Стефани помолчала.

– Возможно, это вещество из тех, что со временем исчезают, – очень тихо сказала она.

– Ага, – согласился Дейв. – Как Береговые Огни спустя час-другой.

– Или экипаж «Прекрасной Лайзы», – добавил Винс.

– А когда он сошел с парома... Мы так и не знаем, где он был после этого?

– Нет, мэм, – ответил Винс. – Мы потратили двадцать лет на вопросы и не обнаружили ни единой души, которая бы видела его до того самого момента, пока Джонни и Нэнси не нашли тело на берегу.

И на заметку – не то, чтобы кто в самом деле вел их, ты понимаешь – я не думаю, что кто-то забрал оставшуюся часть бифштекса. Я думаю, чайка выхватила ее из мертвой ладони, как мы и предполагали все это время. Черт возьми, мне и вправду нужно бежать.

– А мне – заниматься фактурами, – сказал Дейв. – Но, думаю, для начала нужно посетить одно место, – и он повернулся в сторону ванной комнаты.

– Похоже, мне нужно возвращаться к своей колонке, – сказала Стефани... и быстро продолжила, полушутя-полусерьезно. – Зря вы мне все это рассказали, если

собираетесь сейчас остановиться. Пройдет несколько недель, прежде чем я выброшу это из головы!

- Прошло четверть века, а мы не можем от этого избавиться, - сказал Винс. - По крайней мере, ты знаешь, почему мы ничего не рассказали парню из «Бостон Глоуб».

- Да. Знаю.

Она улыбнулась.

- У тебя все получится, Стефани. У тебя все получится.

Винс похлопал ее по плечу и направился к двери, взяв по пути со стола свой репортерский блокнот и положив его в задний карман. Ему исполнилось девяносто, но походка его была по-прежнему легка, лишь слегка согнутая спина выдавала возраст. Простую белую рубашку сзади пересекали две узкие полосы подтяжек.

На полпути он остановился и вновь обернулся. Последние солнечные лучи освещали его седые волосы, создавая вокруг головы нечто вроде нимба.

- С тобой было здорово, - сказал он. - Просто хочу, чтобы ты это знала.

- Спасибо, - она надеялась, что голос не выдаст слез, которые внезапно подкатили к горлу. - Было и вправду здорово. Пусть я и сомневалась в этом поначалу.

- Ты думала о том, чтобы остаться?

- Да. И вы, наверное, это знаете.

Он кивнул.

- Дейв и я разговаривали об этом. Было бы неплохо омолодить наш коллектив.

- Парни, вас хватит на долгие годы.

- О да, - ответил Винс, словно это было данностью, и когда спустя шесть месяцев его не станет, Стефани, сидя в холодной церкви и делая пометки в собственном репортерском блокноте, подумает, что он предвидел все это. Чувствовал, что все будет именно так. - Меня хватит на долгие годы. Стефани, если ты решишь остаться, знай: мы примем тебя с радостью. Ты не обязана отвечать сейчас, но, пожалуйста, рассмотри это предложение, хорошо?

- Конечно. Мне кажется, мы все знаем, что я в конце концов вам скажу.

- Что ж, прекрасно, - сказал он и пошел к выходу, остановился, оглянулся в последний раз. - На сегодня уроков больше нет, но я хотел бы сказать тебе еще кое-что касательно нашего дела. Ты не против?

- Нет, конечно.

- Существует тысячи газет и десятки тысяч репортеров, которые пишут для них истории, но на самом деле все истории делятся на два типа. Первый тип – новости, которые историями вовсе не являются. Они и не должны ими быть. Это просто сухой отчет о произошедших событиях. Люди покупают газеты, чтобы в полной мере насладиться чужой кровью и чужими слезами, точно так же, как они тормозят на дороге, чтобы поглазеть на результат автокатастрофы. Но что еще они находят на газетных страницах?

- Тематические статьи, – предположила Стефани, размышляя о Генретти и его необъяснимых загадках.

- Точно. И это – настоящие истории, с завязкой, действием и развязкой. Люди читают такие статьи с воодушевлением, это эквивалент хороших новостей для них, даже если в статье идет речь об отравлении на церковном пикнике. Но почему, как ты считаешь?

- Я не знаю.

- Лучше бы знать, – сказал Дейв, появившийся из ванной комнаты с бумажным полотенцем в руках. – Лучше бы знать, если ты хочешь посвятить себя этой работе и понять, чем ты на самом деле занимаешься.

Стефани задумалась.

- Тематические статьи являются эквивалентом хороших новостей потому, что у них всегда есть конец.

- Верно! – воскликнул Винс, простирая перед собой руки, словно какой-нибудь проповедник. – У них всегда есть ответы! У них всегда есть объяснения! Но в жизни... В настоящей жизни, Стефани, как часто попадают истории с завязкой, действием и развязкой? Логичные истории? Что тебе говорит твой опыт?

- Если вы имеете в виду газетный опыт, то у меня его нет, – сказала она. – Небольшая газетка в кампусе и художественная колонка здесь, вы же знаете.

Винс отмахнулся.

- Что тебе говорят разум и сердце, вот что я имею в виду.

- В жизни редко так бывает, – она думала об одном молодом человеке, с которым предстоит тяжелый разговор, если она решит остаться здесь дольше, чем на положенные четыре месяца. Рику это не понравится. Рик почти наверняка посчитает, что у этой истории не может быть такой развязки.

- Я никогда не читал тематической статьи, которая не была бы ложью, – мягко сказал Винс. – Но ложь почти

всегда мягко ложится на страницы. С парнем из Колорадо этого не выйдет. Если только...

Винс пожал плечами. На какое-то мгновение Стефани не могла понять, что означает этот жест. Затем она вспомнила, что сказал ей Дейв незадолго до того, как они начали этот долгий разговор. Это – наше, почти злобно сказал он. Этот парень из «Глоуб» только испачкает все своими лапами.

– Если бы вы отдали рассказ о Когане Генретти, он попытался бы что-нибудь из него выжать?

– Мы не можем отдать то, что нам не принадлежит, – ответил Винс. – Рассказ принадлежит тому, кто его написал.

Улыбнувшись, Стефани покачала головой.

– Преувеличиваете. Просто мне кажется, вы с Дейвом единственные живые люди, кто знает так много.

– Так было, – согласился Дейв. – Теперь и ты знаешь столько же.

Она кивнула, принимая завуалированный комплимент. Затем повернулась к Винсу Тигу, вопросительно подняв бровь. Он усмехнулся.

– Мы не рассказали ему о парне из Колорадо, потому что он сделал бы из по-настоящему необъяснимой загадки еще одну тематическую статью. Не искажая факты, нет; просто акцентируя внимание на одних вещах – мышечных релаксантах, например, которые затрудняют возможность нормально глотать пищу – и опуская другие.

– Что никаких свидетельств этому обнаружено не было.

– Или это, или еще что-нибудь... Он мог бы написать свою версию – просто потому, что конструирование тематических статей с годами входит в привычку. В конце концов, редактор мог заставить его переписать историю на свой лад.

– Редактор мог и сам дописать нужное, если бы время поджимало, – добавил Дейв.

– Да, для редактора это обычное дело, – согласился Винс.

– В любом случае, парень из Колорадо появился бы в седьмом или восьмом выпуске «Необъяснимых загадок Новой Англии» – в виде забавной истории, которую читатели бы проглотили за пятнадцать воскресных минут, а уже в понедельник эти страницы украшали бы кошачий туалет.

– И это уже не было бы вашим, – сказала Стефани.

Дейв кивнул, но Винс коснулся его руки, словно предостерегая от чего-то.

- Я не стал бы так говорить, хотя вполне бы мог. Это будет нечестно по отношению к мертвому человеку, который, разумеется, не может сказать слов в свою защиту.

Он посмотрел на часы.

- Так, я побежал. Тот, кто будет выходить последним – не забудьте, пожалуйста, запереть дверь.

Винс вышел, и они посмотрели ему вслед.

- У тебя остались вопросы? – повернувшись к ней, спросил Дейв.

Стефани рассмеялась.

- Сотни. Но не думаю, что вы или Винс сможете на них ответить.

- До тех пор, пока у тебя есть вопросы, все идет хорошо. Он вернулся к своему столу и со вздохом принялся разгребать бумажный завал. Стефани подошла к своему, и тут ее глаз зацепился за что-то. Это была большая информационная доска, занимавшая всю ширину стены, она висела на противоположном конце комнаты, прямо напротив рабочего места Винса. Стефани решила взглянуть на нее поближе.

Левая половина доски была оклеена старыми обложками «Айлендера», по большей части пожелтевшими. Высоко в углу висела обложка номера от девятого июля 1952 года, заголовок гласил: ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ НАД ХЭННОКОМ, СВИДЕТЕЛЕЙ ТЫСЯЧИ. Под ним – фотография, сделанная Винсентом Тигом, которому тогда было тридцать семь, если Стефани не ошиблась в расчетах. На черно-белом снимке было изображено бейсбольное поле Малой Лиги с рекламным щитом в центре, на котором было написано: «ПАРНИ ИЗ ХЭНКОКА ВСЕГДА ЗНАЮТ СЧЕТ!» Стефани показалось, что фото снято в сумерках.

На поле, задрав головы, стояли несколько взрослых. Рядом, на «домашней» отметке, находился судья. Сняв свою маску, он тоже смотрел на небо. Одна команда – команда гостей – толпилась у третьей базы; другая, в джинсах и куртках с надписью «БИТЫ ХЭНКОКА», – у внешней кромки поля; все ребята пытались разглядеть что-то наверху. И один мальчишка, тот, что был питчером, тянулся своей перчаткой к одному из ярких кругов, что висели прямо под облаками, словно пытался дотянуться до тайны, приблизить ее, заглянуть в ее сердце... и узнать ее историю.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В зависимости от того, как вы отнеслись к «Парню из Колорадо» (думаю, вам либо понравилась книга, либо вы ее возненавидели... и это меня вполне устраивает), вы можете или поблагодарить, или осыпать проклятиями моего друга Скотта, который подарил мне идею повести.

У каждого писателя есть знакомый, который время от времени подбрасывает ему газетные вырезки, подразумевая, что из описанного в статье может получиться забавная история. «Тебе нужно только слегка обработать ее», – говорит любитель вырезок с оптимистической улыбкой. Не знаю, как с другими авторами, но со мной это никогда не работало, и когда Скотт передал мне конверт со статьей из Мэнской газеты, я подумал, что ничего не получится и на этот раз. Но моя мать не воспитывала невежд, и поэтому я взял конверт, принес его домой и бросил на стол. Пару дней спустя я вскрыл конверт... и буквально загорелся тем, что было внутри.

С тех прошло много времени, вырезка потерялась... и Google, этот величайший псевдоученый двадцать первого столетия, ничем не смог мне помочь. Единственное, что я могу сделать – попытаться восстановить содержимое статьи по памяти, а память – довольно ненадежный источник знаний. Хотя в данном случае это не имеет большого значения, потому что статья была искрой, которая раздула огонь воображения, а вовсе не самим огнем.

Мне сразу бросился в глаза рисунок над заголовком: ярко-красный кошелек. В самой статье говорилось о молодой девушке, которую однажды заметили на главной улице небольшого острова у берегов штата Мэн. Этот самый кошелек был у нее в руках. На следующий день ее нашли мертвой на одном из островных пляжей, без кошелька или иных документов, по которым ее можно было бы опознать. Причину смерти обнаружить не удалось. Позже решили, что она утонула – возможно, всему виной было спиртное – но этот диагноз остается сомнительным и по сей день. Со временем личность девушки установили,

но к этому времени тело довольно долго пролежало в местном склепе.

И я вновь оказался захвачен тайной, которая так характерна для маленьких мэнских островов, таких, как Крэнберри или Монхигэн. Меня всегда поражал этот контраст солидарности и обособленности, есть всего несколько мест во всех Штатах, где граница между миниатюрным внутренним и огромным внешним мирами проложена так четко. Островитяне очень тепло относятся друг к другу, но ревностно хранят свои тайны от посторонних глаз. И, как блестяще показала Агата Кристи в «Десяти негритях», остров является огромной комнатой, запертой на ключ – даже такой остров, который находится от материка на расстоянии вытянутой руки (по крайней мере, так кажется в ясный полдень). Никакое другое место так не способствует появлению тайн.

Тайна – это то, что интересует меня в этой истории, и я думаю, что очень много читателей по прочтении книги почувствуют себя обманутыми, они могут даже разозлиться на меня за то, что я не предложил им простого и внятного объяснения случившегося. Означает ли это, что у меня нет объяснений? Разумеется, ответ отрицательный. Если подумать, я могу предложить полдюжины возможных решений; три хороших, два очень хороших и одно – просто изумительное. Подозреваю, то же самое относится и к каждому, кто дочитал повесть до этой страницы. И все же в этом деле – очень сложном деле, если позволите мне каламбур¹⁹ – решение вовсе не является ключевым элементом. Оно мне неинтересно. Загадка – вот что заставляло меня день за днем возвращаться к этой истории.

Интересны ли мне эти старикашки, год за годом не устававшие возвращаться к своей тайне? Да. Интересна ли Стефани, которая, вне всякого сомнения, проходит нелегкое испытание (и судьи ее хоть и любезны, но очень суровы)? Разумеется; мне хочется, чтобы она выдержала его. Был ли я доволен каждым новым открытием, каждым лучиком, проливающим свет на мрачный покров этой загадки? Конечно! Но больше всего в парне из Колорадо, подпиравшем мусорный бак и смотрящем в сторону океана, меня увлекала мысль о том, что он представляет собой такую аномалию, которая ставит в тупик даже самый

¹⁹ В США книгу «Парень из Колорадо» выпустило издательство Simon&Shuster. Повесть вышла в серии под общим названием «Очень сложное дело».

гибкий разум. В конце концов, мне не важно, как он там оказался – меня будоражил сам факт его присутствия на этом пляже.

И, конечно же, мне было интересно, как справятся с этим фактом мои персонажи. Надо отдать им должное, они справились здорово. Я ими горжусь. Так что теперь я подожду ваших писем – как электронных, так и обычных – и посмотрю, как ВАМ удалось справиться с парнем из Колорадо.

Не хочу показаться нудным, но прежде, чем мы расстанемся, мне хотелось бы сказать еще кое-что. Видите ли, все мы живем в паутине тайн. И постоянно задаем вопросы – откуда произошли? где были до того, как оказались здесь? Куда движемся? Множество религий предлагают нам свои ответы, но никак не удается отделаться от подозрения, что все они были придуманы ловким жуликом, чтобы побыстрее заполнить чашу для подаяний. И в то же время нам повезло – потому что мы свободны в своем умозрительном полете от одного варианта ответа до другого, диаметрально противоположного. Иногда бомбы не взрываются, и самолеты садятся спокойно, и анализ крови дает хороший результат, и отчеты по биопсии²⁰ не содержат в себе ничего дурного. Довольно редко телефон приносит дурные вести по ночам, но иногда так случается – и так или иначе, мы знаем, что нам предстоит очередное скоростное путешествие по магистрали Загадок.

Жить в таких условиях и оставаться в своем уме очень тяжело, но есть в этом своя прелесть. Вот о чем я попытался написать, и если я вынес что-то из работы над «Парнем из Колорадо» – так это то, что тайна, возможно, та самая нить, которая удерживает нас от сумасшествия в процессе этой безумной, разрушительной гонки. Мы постоянно тянемся к огням в небе, нам непременно нужно знать, откуда взялся мертвый парень на пляже (мир полон таких парней, знаете ли)... Мне кажется, желание иногда полезней знания – не скажу наверняка, просто предполагаю. Но если вы упрекнете меня в том, что я опростоволосился и рассказал не все, о чем стоило рассказать – отвечу вам, что вы не правы.

²⁰ Биопсия – прижизненное взятие тканей из организма и последующее их микроскопическое исследование после окраски специальными красителями. Биопсия является одним из самых распространенных, а при ряде онкологических заболеваний и обязательным методом исследования при установлении диагноза.

Уж в этом я уверен.

Стивен Кинг
31 января 2005 г.

(c) Stephen King, 2005
(c) SIMON & SCHUSTER; New York, NY 10020; 2005
(c) Сергей Думаков, перевод, 2006